

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№1

2021г.

СОДЕРЖАНИЕ

Аспекты изучения языков и проблемы лингвопрагматики

- Андреев В.Х., Ходус В.П.** Манипулятивное воздействие и вербальная агрессия астрологических прогнозов с. 3-16
- Биданок М.М.** Носитель языка как представитель конкретного этно-пространства.....с.17-24
- Тугуз Г.Т.** Актуальность изучения разных языков.....с.24-30

Лингвокультурология и этнолингвистика

- Лысенкова В.Н., Скачкова Л.В.** Национально-культурная специфика фразеологизмов, отражающих звуковое пространство, в русском, французском и английском с.31-43
- Шидакова Л.В.** Национально-культурная специфика русских фразеологических единиц с зоонимическим компонентом..... с.43-55

Лингвокогнитивные исследования

- Алиева Л.Б.** Лингвокогнитивные особенности гендерно-маркированных фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе носителя языка..с.55-68
- Карова А.А.** Дискурсивные и когнитивные особенности жанра «клятва» (медицинский дискурс).....с.68-79

Язык фольклора и художественного дискурса

- Теппеева Д.Р.** Лингвостилистические особенности русской народной песнис.80-94
- Гончарова Е.А., Мазанаев Ш.А., Гаджалова Г.Р.** Язык персонажей в прозе Алисы Ганиевой.....с. 94-107

Андреев В. А., Ходус В.П.
Северо-Кавказский федеральный
университет, г. Ставрополь

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ АСТРОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию текста гороскопа как подвида прогностического текста. Были рассмотрены и охарактеризованы лингвопрагматические особенности текстов данного типа, а также феномены манипулятивного воздействия и вербальной агрессии, получающие репрезентацию в тексте гороскопа. На основании полученных данных в пространстве астротекста были выделены семиотически обусловленные манипулятивные приёмы и маркеры речевой агрессии.

Ключевые слова: *манипуляция, манипулятивное воздействие, вербальная агрессия, речевая агрессия, астрологический прогноз, прогностический текст, гороскоп.*

Andreev V.A., Khodus V.P.
North-Caucasus Federal
University, Stavropol.

MANIPULATIVE INFLUENCE AND VERBAL AGGRESSION OF ASTROLOGICAL FORECASTS

Abstract: The article is devoted to the study of the horoscope text as a subspecies of the predictive text. The linguopragmatic features of texts of this type, as well as the phenomena of manipulative influence and verbal aggression, which are represented in the text of the horoscope, were considered and characterized. Based on the data obtained, semiotically determined manipulative techniques and markers of speech aggression were identified in the astrotex space.

Key words: *manipulation, manipulative influence, verbal aggression, astrological forecast, predictive text, horoscope.*

Человеческое сознание с давних времен интересовала идея предопределенности будущего и возможности его предсказания. Стремление предвидеть судьбу оставило отчетливый след в пространстве многих языков мира, получив репрезентацию в текстах античных пророчеств и гаданий. Однако данная тенденция продолжает оставаться актуальной и по сей день и находит отражение в рамках современных прогностических текстов.

Прогностический текст – текст, содержащий в себе прогноз в качестве семантического ядра, а также несущий прагматическую установку, соотнесенную с будущим [2, с. 207]. Тексты данной категории могут иметь вербальное, невербальное и креолизованное представление. В своей языковой структуре прогностические тексты содержат множество коммуникативно-прагматических инструментов, позволяющих реализовать упомянутую выше установку.

Одной из наиболее популярных разновидностей прогностического текста являются тексты астрологических прогнозов (гороскопов), которые получили своё место на страницах газет, журналов, в эфирах радио и прочих СМИ, а также стали своего рода компонентом массовой культуры.

Безусловно, вербальные гороскопы сегодня отличаются от своих исторических «предков». Тем не менее, их все же можно охарактеризовать по следующим текстовым параметрам: 1) информативность; 2) образность (данные тексты оперируют многочисленными астрологическими терминами и символами, что создает образный отклик в сознании читателя); 3) эмотивность (допускается как выражение авторской эмоции, так и попытка эмоционального воздействия на адресата текста); 4) инструктивность (большая часть астрологических прогнозов излагает «истинное» знание о будущей ситуации, что подразумевает побуждение адресата к следованию инструкциям и указаниям).

Интересной чертой астротекста является его завуалированная диалогичность. Несмотря на то, что в гороскопе часто проявляется лишь одна

сторона диалога – его автор, коммуникативная установка текста конкретного типа все же подразумевает адресованность прогноза потенциальному читателю. Это в некоторой степени раскрывает прагматическую составляющую текстов астрологических прогнозов – оказание воздействия со стороны автора послания на его адресата. Иными словами, текст гороскопа представляет собой вербальный акт, включающий в себя некоторые прагматические компоненты. Типологически можно выделить:

1) директив (наиболее часто встречающийся в текстах данного типа вид иллокутивного акта) и его разновидности: прескриптивный (приказ, разрешение) и суггестивный (совет);

2) ассертив, представляющий собой утверждение какого-либо факта, однако ориентированное на воздействие.

Рассмотрим лингвопрагматические особенности текстов гороскопов более подробно на материале франкоязычных астропрогнозов, взятых со страниц газет, журналов и интернет СМИ.

Прескриптивный директив представляется, как было упомянуто выше, наиболее часто встречающимся видом речевого акта. Как правило, он бывает репрезентован в форме простого высказывания, лишённого потайных смыслов и доступного к восприятию. Сами высказывания носят побудительный характер, а сказуемое в них выражается императивом: *Préparez-vous à faire la fête aujourd'hui! Passez à l'action! Assurez-vous que vous acceptez les gens tels qu'ils sont! Avancez pas à pas!* (Приготовьтесь к празднику сегодня! Переходите к действию! Убедитесь, что принимаете людей такими, какие они есть! Продвигайтесь постепенно!) С функциональной точки зрения, императив является глагольной формой, но семантически он позволяет выразить волеизъявление (приказ) адресата. Иными словами, повелительное наклонение является одним из прагматически наполненных языковых элементов астрологического текста, воздействующих на адресата на когнитивном уровне.

В форме разрешения прескриптивный директив часто выражается грамматической конструкцией *laissez + faire qqch*: *Laissez le temps filer sans vous y accrocher et profitez d'une quiétude bien méritée. Laissez s'enfuir toute l'énergie négative qui mijote en vous!* (Позвольте времени течь мимо вас и пользуйтесь заслуженным спокойствием. Дайте выйти всей негативной энергии, которая томится внутри вас!)

Суггестивный директив же обычно передается с помощью глаголов с семантикой совета *essayez, attendez, patientez, évitez* (попробуйте, постарайтесь, подождите, потерпите, избегайте): *Essayez de faire preuve d'un peu plus de tempérance. Évitez juste de prendre le volant. Attendez samedi si possible ou la semaine prochaine pour signer des documents.* (Постарайтесь проявить больше терпения. Лучше не садитесь за руль (букв. Избегайте вождения автомобиля). Подождите субботу или следующую неделю, чтобы подписать документы.)

Данный вид речевого высказывания также фокусируется на изложении директив, однако в более мягкой форме. Адресат сообщения понимает, что их исполнение не является обязательным, но крайне рекомендуется. Во всех директивных высказываниях используется форма повелительного наклонения у глаголов 2 лица, множественного числа, что может свидетельствовать о том, что автор, несмотря на настойчивость, обращается к адресату уважительно, либо о том, что автор транслирует свой прогноз на потенциально широкую аудиторию (всех представителей какого-то конкретного астрологического знака).

Прогностический ассертив являет собой высказывание, содержащее в себе констатацию факта, установку либо аффирмацию. Чаще всего, он описывает какую-либо ситуацию, в которой от адресата астротекста ожидается определенный сценарий действий. Такая ситуация всегда соотнесена с планом будущего времени. Иными словами, данный тип речевого акта прогнозирует обстоятельства и реакцию адресата на них, но в достаточно имплицитной форме, ведь здесь нет семантики приказа: *Vous ne savez plus où donner de la tête*

aujourd'hui. Ce n'est pas la peine de vous lancer dans des projets mirifiques. Votre cerveau est en pleine ébullition aujourd'hui. (Вы не знаете куда еще податься сегодня. Вам совсем не нужно начинать невероятные проекты. Ваш мозг сегодня кипит.) Прагматика прогностического ассертива выражается и благодаря использованию форм настоящего времени, что усиливает воздействие на подсознание адресата, тем самым заставляя его поверить в авторитетность и убедительность прогноза.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что прагматика текстов франкоязычных астрологических прогнозов выражается не столько в прогностике, сколько в оказании воздействия на сознание адресата данных прогнозов. Однако для этого могут использоваться не только языковые средства (грамматические, стилистические), но и семиотические, способные воздействовать на сознание реципиента текста на более глубинном уровне. В данном случае можно говорить и об усилении оказываемого манипулятивного речевого воздействия.

По мнению В.Е. Чернявской, речевая манипуляция нацелена на то, чтобы вызвать то или иное отношение/действие адресата именно в интересах отправителя сообщения, не обязательно совпадающих с интересами адресата. При этом адресат часто не распознает эту коммуникативную установку на управление его поведением или мнением [5, с. 38].

Языковая «прозрачность» текстов астропрогнозов, а также их эмоциональная и образная наполненность обращают их в языковой феномен, активно набирающий популярность среди общественных масс. Однако немногие читатели задумываются о том, что же именно вызывает живой интерес и удерживает их внимание на страницах астрологических текстов.

Объяснение этому кроется в более глубоких структурах языкового сознания личности-реципиента. Манипулятивное воздействие может оказываться с помощью инструментов различной природы – от бытовой и приближенной к современной жизни до мифологической и уходящей корнями в

глубокое прошлое. Тем не менее, на всех уровнях можно рассмотреть своего рода семиотический подтекст.

Стоит отметить, что астрология в принципе – система символов, способных проявляться в бесконечном количестве сочетаний, каждое из которых будет раскрываться в новом специфическом значении. Символика астропрогноза берет начало в мифах и легендах, проистекающих из недр мироздания, о древних божествах и волшебных существах, именами которых были позже названы планеты и созвездия.

Этот факт дает основание полагать, что астрологический текст – среда избыточно насыщенная символически и архетипически, а следовательно, способная воздействовать тем или иным образом на сознание и подсознание адресата.

Понятие авторитетности является ключевым фактором в достижении прагматической цели текста астрологического прогноза. В своих попытках воздействия или даже манипуляции сознанием адресата, адресант может использовать разнообразные лингвистические или семиотические средства.

Наиболее ярким примером является обращение в тексте к символике звёзд, планет, созвездий и космоса. Подобный приём как бы «умаляет» адресата перед «высшими силами» – вселенной – и доносит до подсознания идею подчинения авторитету: *Vos envies sont puissantes mais Saturne et Uranus vous mettent des bâtons dans les roues et freinent votre enthousiasme. Vénus vous enverra un magnifique présent: l'Amour. Cette année, Mars vous poussera à faire le grand saut. (Ваши желания сильны, но Сатурн и Уран вставляют вам палки в колеса и тормозят энтузиазм. Венера отправит вам чудесный подарок: любовь. В этом году Марс подтолкнет вас к большому прыжку.)*

Кроме того, к факторам воздействия на адресата можно отнести и явную эмотивность текстов данного типа. С помощью определенного набора языковых средств авторы гороскопов заставляют адресата сформировать образ грядущего события или вызвать эмоциональную реакцию на него: *Allez Cancer,*

changez la société! On compte sur vous!; N'ayez crainte, vous repartirez à l'ascension de nouveaux sommets demain!; Concentrez-vous sur l'horizon, tout se passera bien.; Vous percevrez des manques au sein de votre ville qui vous mettront hors de vous. Tenez-vous prêt. (Вперёд Раки, меняйте общество! Мы на вас рассчитываем!; Не бойтесь, завтра вы начнете покорять новые вершины!; Сфокусируйтесь на горизонте, все будет хорошо.; Вы почувствуете тоску, которая выведет вас из себя. Будьте готовы.)

Другим ярким примером семиотической наполненности текстов астропрогнозов является феномен затмений и то, как его транслируют многочисленные масс-медиа. С древних времен это природное явление носит дурную славу среди большинства культур мира и интерпретируется как символ надвигающихся войн, катастроф, болезней. В памятнике древнерусской литературы «Слове о полку Игореве» солнечное затмение также было расценено князем Игорем как предзнаменование беды.

Иными словами, символ, транслируясь через призму астротекста, оказывает манипулятивное воздействие на подсознание реципиента, пробуждая первобытный страх: *«Между затмениями происходят неизбежные события жизни, наша жизнь приобретает фатальный оттенок. В Коридоре затмения фактор фатальности увеличивается, и жизнь приобретает судьбоносное влияние.»* или *«Близнецы так же, как и Стрельцы, находятся под влиянием коридора затмений. Именно 10 июня 2021 года состоится кармическое Солнечное затмение, когда представители этого воздушного знака столкнутся с судьбоносными событиями».*

Несмотря на то, что тексты гороскопов имеют достаточно широкую целевую аудиторию, читатели так или иначе способны улавливать их адресный личностный посыл и авторитетность, обусловленную на семиотическом уровне. Это превращает предсказания в своего рода инструмент для формирования ожиданий общественности, а также поведенческих реакций: *«Планируете запуск нового проекта или начало рекламной кампании? Хотите подписать*

контракт или пожать друг другу руку в знак соглашения? Притормозите! Подождите, пока астрологические страсти улягутся...» и «Планируете перелет? Оформите дополнительную страховку на багаж и возьмите с собой хорошую книгу — могут быть задержки с вылетом.»

Подобные рекомендации можно найти на страницах гороскопов, в которых обсуждается феномен так называемого «ретроградного Меркурия». Считается, что планета, названная в честь древнегреческого бога торговли, коммуникации и красноречия, теряет свои положительные свойства на момент действия этого явления, что ведет к возникновению всевозможных «задержек» и «турбулентностей». Однако при более детальном анализе прогностических текстов можно обнаружить признаки манипуляционного речевого поведения, которое направлено на широкие общественные массы.

Другим фактором, усиливающим манипуляционные возможности астротекста можно считать соответствие актуальному временному промежутку. Так, в период пандемии COVID-19 многочисленные печатные издания обсуждали причины начала, а также даты возможного окончания эпидемии в колонках гороскопов: *«Мы видели, что, когда была распространена испанка, две социальные планеты — Юпитер и Сатурн — соединились с двумя высшими планетами: Нептуном и Плутоном. В начале 2020 года мы с вами имели последовательное соединение Сатурна с Юпитером и Плутона — так же, как это было в период пандемии испанки.»* или *«В заключение своего обращения к подписчикам астролог заявила, что, по предварительным прогнозам, распространение коронавируса завершится в конце 2021 года.»*

Используя символический образ планет, выступающих в роли «высших сил», авторы прогнозов как бы указывают на то, что попытки контролировать эпидемию со стороны среднестатистического человека бесполезны, ведь это явление «продиктовано свыше». Рекомендуется отложить активные действия и ждать.

Таким образом, тексты астропрогнозов не только обладают семиотической наполненностью, но и являются мощным инструментом манипулирования общественным подсознанием и формирования поведенческих привычек. Стоит отметить, что спектр воздействия значительно расширяется ввиду высокой популяризации гороскопов среди различных социальных групп, а также их массовой доступности в печатных и цифровых СМИ.

Однако кроме образности, эмотивности, инструктивности и избыточной семиотической наполненности, в пространстве астротекста можно наблюдать и явление вербальной агрессии.

Речевая агрессия – явление многоаспектное, включающее в себя социальную, политическую или психологическую составляющие. Как отмечает Ю.В. Щербинина, «...сложность определения понятия “вербальная агрессия” заключается прежде всего в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности и потому не может быть исчерпывающе определен посредством таких обобщенных понятий, как “патогенная коммуникация”, “негативное речевое воздействие”, “грубость речи” и т.п.» [6, с. 14].

Наиболее общее и часто употребляемое определение агрессии для всех наук, занимающихся этой проблемой, определено следующим образом: агрессия — это любое действие, имеющее целью причинение вреда объекту.

Это может быть и намеренное языковое воздействие на слушателя, желание навязать какое-то конкретное мнение, а также попытки задеть, обидеть слушателя, негативно окрасить доносимую информацию. Происходить это может как в открытой форме, так и в скрытой, намеренно либо без умысла.

В современных текстах СМИ это явление может быть встречено довольно часто, так как наблюдается тенденция стирания границ между стилистическими

пластами речи, что позволяет журналистам эмоционально окрашивать чистые факты, иронизируя или навязывая субъективное мнение.

Тексты гороскопов редко транслируют эксплицитную вербальную агрессию. Это обусловлено адресностью таких текстов, а также их прагматикой – они нацелены привлечь и задержать внимание адресата, а не вызвать негативное впечатление.

Тем не менее, на страницах интернет-изданий можно найти следующие примеры: *«Близнецы всё знают обо всём и бывают везде. Они суют свой нос в чужие дела, дают непрошенные советы»*. Формальными признаками агрессии выступают устойчивое выражение *«совать свой нос в чужие дела»*, которое в «Толковом словаре Ушакова» имеет следующую интерпретацию: *«Совать (сунуть) нос или соваться (сунуться) с носом (разг., неодобр.) — вмешиваться (не в свое дело). Он всюду нос сует. См. также нос»*. Явная негативная коннотация выражения, а также пометка *«неодобрительное»* не дают других вариантов его интерпретации. Следовательно, оно расценивается как проявление речевой агрессии.

Среди других примеров вербальной агрессии можно рассматривать следующие: *«С самого детства Стрелец любит навязывать всем без исключения свое общество и свои дурацкие идеи (а они из него так и прут)»* или *«Скорпионы изменяют, обманывают, интригуют из одного удовольствия уничтожать. Они — патологические садисты и мазохисты едва ли не одновременно»*. Негативно окрашенная лексика *«изменяют, обманывают»*, *«садисты, мазохисты»*, а также использование лексических единиц разговорного регистра *«прут»*, *«дурацкий»* оказывают влияние на языковое сознание личности-реципиента, вызывая негативные ассоциации и психологические реакции.

Стоит отметить, что вариантом агрессивно окрашенных языковых единиц можно считать не только лексические единицы с негативной коннотацией, описывающие объект дискурса, но и прочие единицы контекста, несущие в

своём лексическом значении отрицательно окрашенный компонент: «навязывать», «уничтожать», «патологические».

Во всех приведенных выше примерах речевая агрессия легко улавливается реципиентом, а автор гороскопа не пытается ее скрыть и интерпретирует нейтральные факты через призму своего эмоционального и психологического восприятия. Иными словами, данные высказывания можно расценивать как форму эксплицитной намеренной вербальной агрессии.

Однако чаще всего в пространстве астротекста прослеживаются признаки имплицитной речевой агрессии, имеющие различную репрезентацию. Её идентификация заключается в понимании смыслов, которые непосредственно в высказывании не содержатся и требует дополнительных усилий со стороны реципиента. Среди наиболее частых форм выражения косвенной вербальной агрессии выделяют насмешку и иронию.

Так, например, фрагмент гороскопа *«Имейте в виду, что представители этого знака не очень умеют считать. Делайте это за него, если не хотите остаться без рубля на завтра»* содержит в себе насмешку. Само по себе высказывание *«не очень умеют считать»* не является негативно окрашенным, так как констатирует факт. Однако в данном контексте оно используется как обидная шутка с целью указать на расточительность, неумение правильно расходовать средства или даже глупость определенной группы людей – представителей знака.

Другой пример косвенной речевой агрессии содержится в следующем фрагменте: *«Под этим знаком (Дева) явно родился Печорин из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова»*. В данном случае автор астрологического прогноза проводит параллель с образом литературного персонажа, известного своей самовлюбленностью и равнодушием к окружающим, тем самым присваивая эти негативные качества всем людям, относящимся к данному знаку. И если изначально высказывание не содержит в себе никаких признаков насмешки, то более детальный анализ делает её очевидной.

««Наполеоновский комплекс» типичен для Льва» - данное высказывание иллюстрирует, как косвенно вербальная агрессия может передаваться с помощью специальной терминологии. Психологический термин «комплекс Наполеона» изначально не содержит в себе отрицательного содержательного компонента. Он лишь описывает тип людей, которые склонны компенсировать недостаток роста чрезмерно эксплицитным и агрессивным поведением, привлечением общественного внимания всеми возможными способами. Как бы то ни было, взаимодействуя с цитируемым контекстом, он раскрывает истинное намерение составителя гороскопа: укорить представителей знака, в том числе потенциальных читателей, в желании быть первыми любой ценой даже при малом количестве ресурсов.

Подводя итог вышеописанному, стоит отметить, что текст гороскопа, будучи текстом медийным, а следовательно, направленным на широкую аудиторию, содержит в своем прагматическом пространстве феномен вербальной агрессии, которая может проявляться как эксплицитно, так и имплицитно. Кроме того, можно различать умышленную агрессию с целью насмешки или указания на недостатки какого-либо знака, а также неумышленную агрессию, проявляющуюся в окружающем контексте в виде негативно окрашенных лексических единиц, транслирующих общее эмоциональное или психологическое состояние автора астрологического текста.

Гороскоп – один из наиболее полюбившихся широкому спектру читателей вид текста. Он легок в освоении, «прозрачен» в способе донесения информации, а также интересен своей прогностической составляющей. Однако за кажущейся простотой стоит ряд прагматических коммуникативных установок, некоторые из которых реализуют свою функцию на глубинных уровнях сознания адресата текста.

Дальнейшее изучение данного феномена перспективно с точки зрения возможности воспитания критического мышления, а также способности

реципиента к осознанной фильтрации транслируемой информации, что позволит снизить эффективность потенциального манипулятивного воздействия и контроля поведенческих привычек, все чаще имеющих место быть в современном информационном пространстве.

Библиография

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи Текст.: Автореф. дис. докт. филол. наук / О.С. Иссерс. - Екатеринбург, 1999. 29 с.
2. Князева, А. А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов / А. А. Князева // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. - СПб., 2009. - № 114. - С. 207-212.
3. Кулова Л.З. Особенности речевого воздействия в астрологическом типе дискурса // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-vozdeystviya-v-astrologicheskom-tipe-diskursa> (дата обращения: 27.11.2020).
4. Савицкайте Е. Р. Эмоциональность и образность – речевые маркеры авторитетности в дискурсе гороскопов (на примере русского и немецкого языков) // Вестник ВГТУ. 2013. №5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-i-obraznost-rechevye-markery-avtoritetnosti-v-diskurse-goroskopov-na-primere-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 27.11.2020).
5. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 136 с.
6. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. - М.: КомКнига, 2006. - 360 с
7. Vion R. La communication verbale: analyse des interactions. - P.: Hachette Livre, 2000. - 302 p.

REFERENCES

1. Chernyavskaya, V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobie. - M.: Flinta: Nauka, 2006. - 136 s. [Chernyavskaya, V. E. Discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact: textbook. - M.: Flinta: Nauka, 2006. - 136 p.]
2. Issers, O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Text.: Avtoref. dis. dokt. filol. nauk / O.S. Issers. - Ekaterinburg, 1999. 29 s. [Issers, O.S. Communicative strategies and tactics of Russian discourse Text.: Abstract from Dissertation of Doctor of Philology / O.S. Issers. - Ekaterinburg, 1999. 29 p.]

3. Knyazeva, A. A. Teksty o predskazanii budushchego kak vid prognosticheskikh tekstov / A. A. Knyazeva // Izvestiya Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. - SPb., 2009. - № 114. - S. 207-212. [Knyazeva, A. A. Texts about foreseeing as a subspecies of predictive text / A. A. Knyazeva // Izvestiya Russian state pedagogical university named after A. I. Gertsena. - SPb., 2009. - № 114. - P. 207-212.]
4. Kulova L.Z. Osobennosti rechevogo vozdeystviya v astrologicheskom tipe diskursa // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-vozdeystviya-v-astrologicheskom-tipe-diskursa> (data obrashcheniya: 27.11.2020). [Features of speech influence in the astrological type of discourse // Uchenye zapiski OSU. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-vozdeystviya-v-astrologicheskom-tipe-diskursa> (referred: 27.11.2020).]
5. Savitskayte E. R. Emotsional'nost' i obraznost' – rechevye markery avtoritetnosti v diskurse goroskopov (na primere russkogo i nemetskogo yazykov) // Vestnik VGTU. 2013. №5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-i-obraznost-rechevye-markery-avtoritetnosti-v-diskurse-goroskopov-na-primere-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (data obrashcheniya: 27.11.2020). [Savitskayte E. R. Emotionality and imagery - speech markers of authority in the discourse of horoscopes (on the example of Russian and German languages) // Vestnik VSTU. 2013. №5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-i-obraznost-rechevye-markery-avtoritetnosti-v-diskurse-goroskopov-na-primere-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (referred: 27.11.2020).]
6. Shcherbinina Yu.V. Verbal'naya agressiya. - M.: KomKniga, 2006. - 360 s [Shcherbinina Yu.V. Verbal aggression. - M.: KomKniga, 2006. - 360 p.]
7. Vion R. La communication verbale: analyse des interactions. - P.: Hachette Livre, 2000. - 302 p. [Vion R. Verbal communication: analysis of interactions. - P.: Hachette Livre, 2000. - 302 p.]

ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева»,
г. Майкоп

НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОНКРЕТНОГО ЭТНО - ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: В своей статье М. Биданок обращается к уточнению понятийной составляющей частого в современном документальном мире явления, как «носитель языка». Расценивая имеющуюся терминологию как недостаточно разработанную, она прослеживает ее вариации, уточняет найденные определения и делает заключение о собственном предпочтении. Это помогает автору обратиться к рассмотрению носителя языка уже в качестве представителя этнического пространства, с приведением иллюстраций на адыгском материале. В качестве вывода приведены мысли автора по методической связанности данного теоретического явления.

Ключевые слова: *носитель языка, понятие, определение, представительство, этнос, адыг.*

Bidanok M. M.

GBU RA "Adyge Republican Institute of
Humanitarian Studies named after T. M. Kerashev",
Maykop

NATIVE SPEAKER AS A REPRESENTATIVE OF A SPECIFIC ETHNO-SPACE

Abstract: In his article, M. Bidanok addresses the clarification of the conceptual component of a phenomenon that is frequent in the modern documentary world, as a "native speaker". Considering the existing terminology as insufficiently developed, she traces its variations, clarifies the definitions found and makes a conclusion about her own preference. This helps the author to address the consideration of a native speaker already as a representative of the ethnic space, with illustrations on Adyge material. As a conclusion, the author's thoughts on the methodological connectedness of this theoretical phenomenon are given.

Keywords: *native speaker, concept, definition, representation, ethnos, Adyg.*

В современном мире частота активизации индивида, который носит язык, налицо. Соответственно этому явление «носитель языка» и его понятие просматриваются как в правовой, так и в научной (лингвистической, филологической, социологической, культурной и т.д.) средах. Так, в частности, на взаимодействие и контакт именно с языковыми носителями, но не с текстами направлена полевая ветвь лингвистики. Данную терминологию («носитель языка») на сегодняшний день можно считать недостаточно разработанной.

В связи с тем, что вероятна ее применимость в многочисленных контекстах, могут возникать различные смысловые нюансы. Это, к примеру: «несущий язык представитель этноса» либо «несущий язык педагог». Имеющийся сегодня в многогранной языковой среде термин «носитель» в некоторой мере не уточнен, порой семантически не очерчен.

Причем в языковой среде возможны ситуации, когда данная понятийная категория применяется с целью некоторой PR-акции, условной презентации. С пафосом сообщается: несущий язык обязан дублировать некоторый языковой акцент, присущий конкретному месту жительства, территории либо классу социума. В таком случае подобное требование может восприниматься остро негативно. Оно видится и лишением выбора, и личностным ущемлением, и ограничением в тех правах, каковыми владеют конкретные языковые носители.

Тем самым, острота и злободневность избранной тематики предопределяется имеющейся сегодня потребностью в конкретизации, уточнении и определении термина «носитель языка», который интенсивно применяется в современном мире. Так, к примеру, во время минувшего года в России граждане из других стран, а также индивиды без гражданства приобрели шанс вступить в ряды граждан РФ более доступно. От них требовалась лишь наглядная демонстрация того, что они выступают убедительными носителями русского языка.

Любой, присущий тому или иному этносу, языковой механизм обладает собственной хронологией, соединенной с присущими ему языковыми личностями. Подобная взаимозависимость способна воздействовать на общее языковое развитие, на применение, на возможную планетарную оценку.

Наиболее распространенным определением является следующее. Носителем языка выступает конкретный этнический представитель. Он в полной мере обладает определенными языковыми нормами. Он интенсивно применяет носимый им язык во всевозможных рядовых, семейных, профессиональных ситуациях, на социально значимых пространствах.

В частности, носитель того или иного языка нередко используется с целью выявления определенного вида конкретного языка. Однако приведенное в предыдущем абзаце определение способно включать незримые, но действующие стратегии, с помощью которых языковые личности, принадлежащие к различным этносам, активны. Они могут применять те или иные коммуникационные тактики, как внутри, так и вне- этносов. Также они способны налаживать межкультурные и межрегиональные связи.

Однако в современных правовых документах РФ чаще применяется термин «носитель» именно русского языка. Это лицо, обладающее русским языком, ежедневно практикующее его как в культурной, так и в бытовой средах. Тем не менее приводится уточнение того, что ожидаются итоги тестового собеседования для выяснения уровня владения. Причем к этому лицу или к его родным («по прямой восходящей линии») предъявляется условие. Это постоянное текущее либо бывшее проживание на территории РФ- (в том числе историческом – империльном либо советском) пространстве (с учетом государственных границ РФ).

И употребление подобного, юридически насыщенного определения «носитель русского языка» на правовой основе тем самым происходит также применительно к иностранным гражданам. Причем определения «носитель русского языка» и «иностраный гражданин, являющийся носителем русского

языка» абсолютно и дословно дублируют друг друга. Они совпадают во всех формулировках в таком правовом определении, которое содержится в Федеральном законе от 20.04.2014 № 71-ФЗ. Это такое же, обладающее русским языком, лицо. Оно отличается теми же функциональными признаками, которые описаны нами в предыдущем абзаце.

Национальную мысль, присущую образу языкового носителя, допустимо трактовать так. Большинство из живущих в РФ носителей одного или нескольких языков обозначают родными именно те языковые системы, которые содействовали их личностному становлению. Именно такое обстоятельство включает их в группу носителей того или иного языка.

Так, к примеру, в случае с адыгами, выросшими уже в СССР либо в Российской Федерации, активизируется именно этническая сторона вопроса. Это потому, что родным чаще признается язык прадедов. Однако языком первичной социализации, вхождения в социальную среду, является нередко именно русский. Последнее обстоятельство углублялось в советское время. Такое происходило тогда, когда национальная специфика чаще подавлялась. Достоинством языковой личности считалось качественное выступление ее в роли носителя русского. Хотя более уверенное владение языком адыгских прадедов при этом было сродни речевому недостатку.

Вообще термин «носитель языка» и соответствующий ему понятийный шаблон достаточно тривиальны. Элементарный образ, который возникает в сознании рядового получателя, весьма примитивен. Он не в состоянии отобразить многосторонний языковой инструментарий, применяемый говорящим как в родной, так и в международной речевой коммуникации. Современная лингвистическая наука очерчивает ощутимый ряд индивидуальных признаков. Они подразумевают языковую личность в качестве полновесного носителя установленной в этносе языковой системы. Фактически такой достойный языковой носитель, во-первых, относит себя в качестве члена к тому или иному языковому коллективу. Подобная отнесенность обусловлена

в первую очередь тем, что такой индивид вращается в данной языковой среде. Как раз с момента рождения он наблюдает языковые практики и сферу применения данного языка. Это происходит каждое мгновение, и прослеживаются они в любой ситуации общения.

Данная ситуационная насыщенность содействует появлению следующих возможных идентификационных признаков, которые могут быть применимы к носителю языка как к представителю того или иного этноса.

В этом случае, человек есть реальный носитель, если он: 1) владеет в достойной мере мобильной, свободной речью; 2) не задумывается над лексической, морфологической и синтаксической формой ответа в той или иной ситуации; 3) владеет чистой, безакцентной речью сам и легко различает акцентные нарушения в слоге собеседника; 4) в ходе коммуникационного акта (как собственного, так и постороннего) рефлекторно вникает в суть произносимого.

Относимый к полновесному в этом случае носитель языка, соответствующий большинству названных критериев, обозначается по-английски как «*speaker*», то есть «говорящий». Однако в данной типологии, наряду с полновесным говорящим, имеет место быть и недостаточно владеющий языком типаж. Несущий в собственном багаже определенную долю вышеперечисленных признаков, носитель языка по-английски обозначается как «*near-native speaker*», то есть «близкий к говорящему на родном».

Наряду с представленной выше в научной литературе имеет место быть классификация, которая базируется на отношении самого носителя к используемому им языку. Составляющими компонентами такой типологии выступают следующие.

1. «Неоносители» (англ. *neo-speakers*). Это носители языка, которые пропагандируют собственную этно- культурную принадлежность. Фактически гордясь ею, они стремятся наращивать языково-речевые навыки. Происходит это, в первую очередь, в натуральной языковой среде: как посредством

семейной коммуникации, так и путем освоения учебно-методической литературы. Стимулирующим фактором здесь выступает мотив сбережения языковой культуры предков.

2. «Носители-невидимки» (англ. ghost speakers), то есть языковые личности, которые скрывают собственное владение языком вследствие малого языкового авторитета. Однако они способны при необходимости включить носимый ими языковой механизм.

Помимо вышеназванных двух типов ряд исследователей приводит еще другие группы. Это классификация, основанная на степени и на тактике владения того или иного этнического представителя соответствующим языком. В этом случае выделяются следующие типы: 1) «полуносители полуговорящие», англ. semi-speakers; 2) «последний носитель», англ. last speaker; 3) «вспоминающие», англ. rememberers; 4) «остаточные» носители, англ. terminal speakers.

Кроме того, языковые системы, истерзанные вековыми применениями и потерями, применяются в языковой практике носителей всех шести типов.

Однако группа носителей языка, того, что способен влиять на другие и укрепляться изо дня в день, содержит преимущественно типаж, первый из названных. Это нео-носитель, который гордится своим языком и стремится его совершенствовать.

Одновременно применительно к национальной специфике того или иного этноса допустимо вести речь о другом. Нередко имеет место быть специфический, собственный для носителей конкретного, того или иного языка этнически - обусловленный языковой макет.

Так, к примеру, говорящий на родном языке адыг, часто и интенсивно применяет такую специфическую речевую конструкцию, как «мы1эрысэ горэ кьысэТ» («яблоко какое-нибудь дай мне» (где «мы1эрысэ, хьалыгьу, тутын, псы» (= «яблоко, хлеб, сигарета, вода») и т.д.). И потому, часто выстраивая подобным образом речевую конструкцию на других языках, он и по-русски

скажет: «Хлеб какой-нибудь дай мне». В то время, как русскоговорящий скажет немного иначе, конкретнее, в другой синтаксической последовательности: «Дай мне хлеб». Тем самым налицо возможная этническая специфика носителя языка.

В итоге можно обратиться также к методической применимости рассматриваемого явления. Так, к примеру, носителей того или иного (в частности, адыгского) языка нередко обвиняют в той сложности, которая присуща адыгским текстовым изложениям на интернациональном уровне.

Вследствие подобной сложности в преподавательской сфере способны активизироваться трудности профессионала. Это происходит потому, что образовательные организации нередко выберут в качестве учителя именно языкового носителя, считающего язык родным, а не того, для кого определенный язык выступает дополнительным ресурсом.

Тем не менее, насколько считает О. Семенова, «как подтверждают исследования, именно учителя, владеющие английским как иностранным, являются более компетентными, более понятными в плане преподавания иностранного языка» [1, с. 4]. Несмотря на такую определенность, стержневым признаком, благодаря которому реально озвучить носителя языка, выступает число наступивших недочетов, а также присущие им качества. В соответствии с этим нередко звучащая в языковой практике (чаще – в преподавательской методике) установка «говорить подобно носителю языка» заметна, но мало разработана. При этом возможно допускать следующее. Общепринятым для целого ряда терминологических вариаций выступает факт: носитель языка в целом способен быть оценен и по его языковой тактике, и по эффективности его речевой деятельности.

Библиография

1. Семенова О.С. Понятие «носитель языка» при обучении иностранным языкам // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: Мат-лы IX Международной

научно-практической конференции. – Междуреченск: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (Кемерово), 2020. – СС. 2-5.

2. Биданок М.М. «Адыгейский литературный язык». – Майкоп, 2014. –с.-125.

REFERENCE

1. Semenova O.S. Ponyatie «nositel` yazy`ka» pri obuchenii inostranny`m yazy`kam // Sovremennyy`e tendencii i innovacii v nauke i proizvodstve: Mat-ly` IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Mezhdurechensk: Kuzbasskij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet imeni T.F. Gorbacheva [The concept of "native speaker" when teaching foreign languages // Modern trends and innovations in science and production: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. - Mezhdurechensk: Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev] (Kemerovo), 2020. – SS. 2-5.

2. Bidanok M.M. «Adu`gejskij literaturny`j yazy`k» [Adyghe literary language]. - Майкоп, 2014. - p. - 125.

УДК 811.352.3.

Тугуз Г.Т.

ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева», г. Майкоп
E-mail: tuguz.71@mail.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: В статье рассматривается функционирование языков в мире в условиях глобализации, основные причины исчезновения национальных языков. Анализируется развитие языкового образования в условиях полилингвизма, актуальность, которой обусловлена условиями глобализации мира, в результате чего возрастает роль изучения разных языков и отражение на образовании подрастающего поколения. Освещаются проблемы обучения детей разным языкам.

Ключевые слова: национальный язык, национальная культура, полилингвизм, языковое образование, глобализация, мировой язык, многоязычное образование.

Tuguz G. T.

Adyghe Republican Institute for Humanities

Research named after T. M. Kerashev,

Maikop

E-mail: tuguz.71@mail.ru

THE RELEVANCE OF LEARNING DIFFERENT LANGUAGES

Abstract: The article examines the functioning of languages in the world in the context of globalization, the main reasons for the disappearance of national languages. The article analyzes the development of language education in the context of polylinguism, the relevance of which is due to the conditions of globalization of the world, as a result of which the role of learning different languages and the impact on the education of the younger generation increases. The problems of teaching children different languages are highlighted.

Keywords: *national language, national culture, multilingualism, language education, globalization, world language, multilingual education.*

В современном мире языковое образование становится необходимостью. Владение разными языками является просто неотъемлемой частью компетентности специалиста в любой сфере. Общеизвестно, что язык является одним из многих факторов, которые могут способствовать получению качественного образования.

Язык каждого народа является вкладом в мировую цивилизацию. С уверенностью можно сказать, что нет лишнего, ненужного языка. Языки знать необходимо. У человека, владеющего разными языками, есть преимущества: свободное общение с носителями другого языка, расширение своего кругозора и обогащение внутреннего мира. В выигрышной ситуации находится человек, знающий много языков. Двуязычие или многоязычие – это свободное владение соответственно двумя и более языками одновременно. Это способность общаться, думать и выражать свои мысли на разных языках, переключаясь с одного на другой в зависимости от ситуации, в которую попадает человек. Многоязычное образование, на наш взгляд, принесет пользу подрастающей

молодежи, которая изучает другие языки. Развитие многоязычного образования предоставляет широкий спектр доступа к информации в самых разных областях. Люди, владеющие профессионально несколькими языками, имеют реальные шансы занять в обществе более престижное положение, как в социальном, так и в профессиональном плане. Поэтому учёные отмечают, что многоязычие является важнейшим приоритетом современного общества.

Однако во все времена происходил процесс исчезновения языков. В настоящее время ученые отмечают, что темпы этого процесса ускорились. Это объясняется эпохой глобализации и вытеснения одного языка другим, более сильным. Например, все подрастающее поколение начинает изучать английский язык. Хочу отметить, что это нужно делать, но не оставляя при этом изучение своего родного языка. Если родной язык перестал употребляться детьми, то он может вымирать уже в течение этого поколения. Вымиранию языков способствует не только глобализация, но и то, что на некоторых из них перестают разговаривать или разговаривает мало людей, что не оставляет шанса на выживание уже просто по причине, что мало носителей языка.

Очень радует, что большинство черкесов за рубежом до сих пор сохраняют свою этническую идентичность, несмотря на процессы ассимиляции с местным населением и трудности контактирования с соотечественниками, проживающими на родине. Адыгам в Турции долгое время запрещалось говорить на родном языке, носить черкесские имена, не говоря уже о запрете изучения адыгейского языка в образовательных учреждениях. В настоящее время очень радует, что изучают адыгейский язык в турецком университете, открылась магистратура, где на отделении Кавказских языков приобретают специальность «черкесский язык» турки, этнические адыги, абазины, абазы. Дети будут знать разные языки, что дает им больше преимуществ в жизни, где бы они ни проживали.

Глобализация, как отмечают специалисты, – сложный многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, информационной и

культурной универсалии, когда территориальность исчезает как организующий принцип социальной и культурной жизни. Процессы глобализации охватывают все стороны человеческого сообщества – экономику, финансы, трудовые, информационные, интеллектуальные ресурсы, сферы образования, науки и искусства. Глобализация затрагивает и лингвистические аспекты, распространяя тот или иной язык в современном мире.

Рассматривая функционирование национальных языков в условиях глобализации, однозначно надо помнить о том, что существуют сферы общения, где они не могут заменяться другими языками. Это касается таких сфер национальной культуры, как телевидение, радио, газета, театр, учебные заведения и т.д. Существенную роль в сохранении языка, наряду со сферой семейного общения, играют сферы речевой культуры и отношения к ней как ценности.

Язык – это отражение менталитета, моральных ценностей, культурно-исторических реалий, традиций и норм поведения того или иного народа. Язык является ценностным фондом национальной культуры, разрушение которого ведет к исчезновению нации. В настоящее время важно принимать меры по сохранению и развитию национальных языков и культур. Сохранить национальные языки – значит сохранить историю народа носителя, культуру народа носителя, закреплённые в языке знания в образовательной, научной и технологической сферах и т. д.

Согласно мнению Н.Н. Большевой, «Язык народа есть важнейший компонент его национальной культуры, который формируется вместе с образованием этноса, являясь предпосылкой и условием его существования. Поэтому проблемы этнической самобытности, противостояния все нарастающим процессам глобализации нельзя решать без учета главного инструмента культурного самовыражения – языка» [1, с.71].

В современном мире национальные языки функционируют в условиях борьбы мировых языков как за существование, распространение, сохранение

своих функций. Влияние глобализации на сокращение национальных языков у разных народов протекает по-разному. Например, в семьях, где не разговаривают на своем родном языке между собой и нет желания изучать его в школе, в первую очередь оказывают активную помощь в сокращении функционирования своего родного языка в сложное время их сосуществования с мировыми языками. Основной причиной исчезновения языков становится то, что в семье перестают общаться на родном языке.

Глобальное распространение мировых языков нарушает человеческую потребность в стремлении во всех ситуациях пользоваться своим родным языком – т.е. потребность в идентичности. Язык для каждого человека – это его мир, память и история народа, и поэтому вымирание языка – это вымирание целого мира, народа. Каждый народ должен сберечь свой родной язык – свое национальное достояние. В настоящее время вторжение глобализации в языки разбудило все народы, заставило осознать национальную самобытность, оценить свой родной язык и свою культуру и, в конце концов, заставило каждого человека заботиться о своем языке, чтобы он не исчез вместе с ним.

В то же время экономическое единение мира в эпоху глобализации вызывает и к языковому единению. В этой ситуации в лингвистических процессах, очевидно, возрастает роль мировых языков, в частности английского, который является языком международного общения и в настоящее время доминирующим среди остальных наиболее распространенных мировых языков, которыми пользуются огромное количество людей – это китайский, немецкий, арабский, русский и т.д. Международные сферы, например, торговля и туризм охватывают функции данных языков. Владение этими языками обеспечивает взаимопонимания мирового уровня, в этом его положительная сторона, но также есть и отрицательная сторона, способствующая вытеснению из употребления национальных языков, что ускоряет эпоху глобализации. Удовлетворяя общечеловеческие потребности в общении доминирующие языки (в нашей республике, например, – это русский

язык) проникают и вплетаются во многие языки и легко ассимилируются. Такая ассимиляция имеет негативное воздействие на национальные языки в условиях глобализации, что связано с желанием тех людей, которые хотят пользоваться родным языком. Таким образом, глобализация усиливает процесс исчезновения некоторых национальных языков, а значит и национальных культур и всей нации. Ведь с потерей языка на сегодня мир утрачивает возможность существовать, думать, знать, выражать мысли именно на данном языке, принимая иной взгляд на мир. В такой ситуации глобализация очень негативно влияет на некоторые национальные языки, которые и так находятся на грани исчезновения. Учить иностранные языки, знать их однозначно хорошо, дружить с другими народами, культурами и обмениваться опытом, но и не забывать про свой язык, нужно стараться каждому человеку что-то делать для своего родного языка и своего народа. Мы думаем, что языки не мешают друг другу. На наш взгляд, введение в регионах практики устойчивого двуязычия поможет в сохранении и развитии родных языков. В начальной школе преподавание предметов на родном и русском языках. На старшей ступени образовательного процесса школы в качестве языка обучения наряду с русским и родными языками может быть использован также иностранный язык, практическое владение которым становится необходимой потребностью в современном мире для человека.

Ж. Марузо отмечает, что «Двуязычие – свойство лица (или населения), свободно владеющего двумя языками, причем нельзя сказать, какой из двух языков это лицо (или население) знает лучше» [2, с.88]. Мы поддерживаем его мнение.

Наши наблюдения показывают, что в аульских школах нашей республики изучается адыгейский язык всеми носителями языка, даже и дети, для которых адыгейский язык не родной, изучают его с удовольствием. И такие дети только в выигрыше, они понимают речь, в какой бы ситуации не оказались.

Результаты исследования показывают актуальность вопросов, связанных с двуязычием. Любой язык не только обогащает другой язык, но и сам обогащается за счет другого языка, что способствует развитию речи, двуязычие способствует сближению одного народа с другим и устранению языкового барьера между ними. Знать и изучать разные языки, культуру разных народов, историю и не только прошлое, но настоящее и будущее в любой ситуации лишним не будет.

Нельзя не отметить фактор престижности знания разных языков. Как гласит пословица: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек». Таким образом, владение разными языками облегчает процесс обучения, общения, также даёт определенную свободу в выборе языка и речевого поведения, что показывает преимущество билингвов и полилингвов.

Библиография

1. Большева Н.Н. Развитие языка в условиях глобализации: социально-философский аспект.: Дис. ...канд. филос. наук. Красноярск, 2006. – с.171
2. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., Изд-во «Иностранной литературы», 1960. – 439с.

References

1. Bolysheva N. N. Razvitie yazy`ka v usloviyax globalizacii: social`no-filosofskij aspekt.: Dis. ...kand. filos. nauk. [Development in the context of globalization: socio-philosophical aspect.: Dis. ... candidate of Philos]. Krasnoyarsk, 2006. – s.171
2. Maruzo Zh. Slovar` lingvisticheskix terminov. – M., Izd-vo «Inostrannoj literatury`», 1960. – 439s. [Dictionary of linguistic terms]. - M., publishing house "Foreign literature", 1960. - 439с.

Лысенкова В. Н., Скачкова Л. В.

Брянский государственный университет
имени ак. И. Г. Петровского, г. Брянск

E-mail: viole.lysenkova@yandex.ru

E-mail: lyuba-skachkova@mail.ru

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ОТРАЖАЮЩИХ ЗВУКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО, В РУССКОМ,
ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация: Фразеология отражает обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт представителей той или иной культуры. Целью нашего исследования является изучение и выявление национально-культурного своеобразия фразеологизмов, выражающих звуковое пространство. Такие фразеологизмы представляют особую область изучения, они связаны с человеком, описывают психические процессы и основные функции воздействия звуковых сигналов на представителей различных культур, что раскрывает национальную самобытность того или иного народа.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, национально-культурная специфика, культурная коннотация, звуковое пространство, внутренняя форма фразеологизма.*

Lysenkova V. N., Skachkova L. V.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski
University, Bryansk

E-mail: viole.lysenkova@yandex.ru

E-mail: lyuba-skachkova@mail.ru

**NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
REFLECTING THE SOUND SPACE IN RUSSIAN, FRENCH AND ENGLISH**

Abstract: Phraseology reflects the everyday empirical, historical and spiritual experience of representatives of a particular culture. The purpose of our research is to study and identify the

national-cultural features of phraseological units that express the sound space. Such phraseologisms represent a special field of study, they are related to a man, describe mental processes and the main functions of the influence of sound signals on representatives of different cultures, which reveals the national identity of a community.

Key words: *phraseological unit, national-cultural specificity, cultural connotation, sound space, inner form.*

Фразеологическая единица (далее ФЕ), как лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [9, с. 337], является объектом многочисленных исследований лингвистов в классических областях языкознания, таких как лексикология, грамматика, синтаксис и семантика.

Именно фразеологические обороты составляют самую многочисленную группу языковых единиц, которая выполняет основную задачу лингвокультурологии: исследовать и описать взаимодействия языковых процессов и материальной культуры в их современном состоянии или в определенные синхронные срезы этого взаимодействия [11, с. 216].

Изучение национально-культурной специфики ФЕ дает возможность ученым-лингвистам проследить историческое развитие народа, его культурную самобытность (традиции, обычаи, нравы), понять степень влияния культуры на язык и определить роль кодов культуры в процессе воспроизведения и восприятия фразеологизмов в речи.

Культуру можно понимать как способ ориентации субъекта в эмпирической, культурной, духовной жизни на основе норм, эталонов, стереотипов, символов, мифологем и других знаков национальной культуры, традиционно установившейся в определенном национальном языковом социуме [6, с. 134].

В отечественной лингвистике исследованием национальной специфики в области фразеологии занимались В.Г. Гак [3], В.Н. Телия [11], Д.О. Добровольский [5], А.П. Василенко [15], Л.В. Скачкова [10].

В данной статье делается обзор существующих подходов и методов интерпретации национально-культурной специфики фразеологизмов, отражающих звуковое пространство. Также проводится лингвокультурный анализ характеристик компонента «звук», отраженных в образных основаниях фразеологизмов. Материал исследования получен методом сплошной выборки из фразеологических словарей В.Г. Гака [8], А.И. Фёдорова [13], Cambridge [14]. Корпус ФЕ с компонентом «звук» представлен более 100 русскими, около 90 французскими и английскими фразеологизмами, что в общей сложности составило около 280 фразеологизмов.

В современной науке о языке представлено несколько подходов для выявления национально-культурной специфики фразеологизмов.

В.А. Маслова отводит фразеологическим оборотам особое место в формировании и закреплении национально-культурной специфики народа. Во-первых, ФЕ фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [7, с. 82]. Во-вторых, только внутренняя форма ФЕ является хранителем культурной информации, миропонимания и главным представлением о картине национальной культуры в целом. В-третьих, культурно-значимое содержание фразеологического оборота может быть выявлено с помощью образно-эмотивных единиц, которые играют определяющую роль в интерпретации их культурной коннотации.

В.А. Маслова выделяет ряд лингвокультурологических единиц, которые восходят к прототипным ситуациям, лежащим в основе переосмысления образа ФЕ: 1) безэквивалентная лексика и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закреплённые в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; 5) образы; 6) стилистический уклад языков; 7)

речевое поведение; 8) взаимодействие религии и языка; 9) область речевого этикета [Там же, с. 134-135].

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть они возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение [Там же, с. 84].

Таким образом, можно сказать о том, что закономерности образования устойчивых оборотов, отражение в их семантике реалий объективного мира, содержание культурной коннотации и многие другие факторы являются универсальными [10, с. 223].

Позиция В. Г. Гака о культурно-национальной специфике ФЕ опирается на два фактора: объективный и субъективный [3, с. 157]. Суть первого заключается в исключительности любого исторического, культурного, природного, обыденного явления или объекта действительности для определенного народа, то есть эти же реалии не имеют отражения в культурной жизни другой нации.

Например, в русском языке используется фразеологизм *бесструнная балалайка* 'о болтливом человеке' [13, с. 17]. Присутствие музыкального инструмента (балалайки) во фразеологическом обороте свидетельствует об особенностях музыкальной культуры русского народа, в то время как для носителей английского языка компонент *балалайка* является нетипичным.

Второй фактор (субъективный) допускает наличие одного и того же объекта действительности в разных культурах, однако они трактуются через разные (характерные для определенной культуры) символы, стереотипы, эталоны. Например, категория здоровья в русском языке отражена следующим фразеологизмом *здоров как бык* [Там же, с. 260], а в английском *as sound as a bell* (букв.: звонкий как колокольчик) [14, с. 363]. Бык – это крупное парнокопытное животное, которое с древних времен символизирует природную мощь и превосходство (здоровый значит превосходящий в силе). Носители же

английского языка ассоциируют здоровье со звонкостью колокольчика, что означает бодрость, жизнерадостность.

Рассматривая данную позицию, можно сделать вывод о том, что языковая картина мира любого народа попадает под призму и лингвистического, и лингвокультурологического анализа ФЕ, то есть функционирование языка внутри ФЕ приводит к углублению в пространство культуры.

Д.О. Добровольский выделяет также два подхода в понимании национально-культурной специфики ФЕ: сравнительный и интроспективный [4, с. 71]. Сравнительный подход обуславливается наличием соответствия некоторого явления в нескольких культурных кодах.

Интроспективный же метод нацелен на выявление национально-культурной специфики ФЕ посредством опросов или тестов, предлагаемых носителям языка, для самостоятельного определения какой из компонентов фразеологического оборота является культурно-значимой языковой единицей.

Описанные выше методы признают необходимость изучать языковую семантику фразеологизмов через обращение к внутренней форме ФЕ, отражающей межъязыковые различия в системе представлений о реальности и, соответственно, особенности менталитета народа [1, с. 38].

В.Н. Телия, исследуя культурно-национальную коннотацию, выдвигает гипотезу о том, что совокупность образов фразеологического корпуса языка оказывает непосредственное влияние на понимание материальной, духовной и социальной культуры данного языка [11, с. 215]. Это влияние проявляется через интерпретацию метафоричных смыслов и последующее соотнесение этих смыслов с областями культуры, которые являлись основой для появления фразеологизма.

Данное предположение способствует выделению следующих типов культурно-маркированных единиц в составе ФЕ: единицы, обозначающие реалии и концепты культуры в денотативном аспекте значения (предметное основание фразеологизмов) и единицы, в которых культурно значимая

информация выражается в коннотативном аспекте значения (образно-мотивированное основание фразеологизмов) [12, с. 197].

Приведем примеры, демонстрирующие национально-культурную специфику звукового пространства в русском, французском и английских языках.

Hard knocks (букв.: тяжелые удары) ‘получить жизненный опыт в пройдя через неприятные, негативные ситуации’ [14, с. 134]. Слово-компонент *knocks* передает свое предметное значение ‘резкий, сильный толчок, производимый кем-либо или чем-либо с размаху; резкое столкновение чего-либо движущегося с кем-либо, чем-либо движущимся или неподвижным’ [2, с. 539]. Результатом толчка или столкновения такого рода является внезапный, неприятный звук. Таким образом, денотативное значение слова-компонента *knocks* привело к формированию негативного отношения к непредвиденным ситуациям, которые могут произойти в жизни носителей английского языка.

Значение ФЕ *затишье перед бурей* ‘временное успокоение в ходе каких-либо дел, событий, в поведении человека или группы людей’ [13, с. 251] предопределяется внутренней формой фразеологизма, то есть его образа. Временное прекращение шума или движения ассоциируется с предстоящими подозрительными, иногда опасными событиями, которые вынуждают вести себя с большей степенью осторожности. Образ данного фразеологического оборота строится на коннотативных значениях слов-компонентов *затишье* и *буря*. Коннотативный аспект значения ФЕ включает в себя дополнительные оттенки значения, обычно это эмоционально-оценочное отношение к происходящей действительности. Исходя из вышесказанного, звуковое пространство, отраженное в основании фразеологического оборота, имеет культурную коннотацию, свойственную для обиходно-культурного опыта народа.

Во французском языке фразеологизм *on ne peut sonner les cloches et aller à la procession* (букв.: нельзя одновременно звонить в колокола и идти в церковь)

‘два дела одновременно не делают’ [8, с. 469] отражает обиходно-культурный опыт народа, ведь поход в церковь является традицией, частью повседневной жизни французов.

Итак, культурно-национальная специфика фразеологизмов определяется, главным образом, через внутреннюю форму устойчивого оборота в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового сообщества [6, с. 134]. Это объясняется наличием у образного основания ФЕ культурных смыслов, которые хранят устойчивые ассоциации в некоторых сферах жизни общества (обычаи и традиции, исторические события и элементы быта) на протяжении развития национальной культуры [5, с. 59].

Следовательно, рассмотрим, какие параметры звука закрепились в образных основаниях фразеологизмов русского, французского и английского языков.

Сила звука представляет собой мощь, которую переносит звуковая волна в том или ином направлении. В свою очередь она делится на:

Громкий (сильный) звук: *во всю ивановскую* ‘очень громко (кричать, орать), в полную силу’ [13, с. 263], *на весь базар* ‘очень громко (кричать)’ [Там же, с. 17], *at the top one’s voice* (букв.: на вершине своего голоса) [14, с. 398]; *crier à pleine bouche* (букв.: кричать во весь рот) ‘кричать во все горло, во всю глотку’ [8, с. 857]; *crier du haut de sa tête* (букв.: кричать с высоты своей головы) ‘кричать во все горло, кричать, вопить благим матом’ [Там же, с. 860]; *crier sur l’air des lampions* (букв.: кричать в воздух) ‘громко скандировать’ [Там же, с. 862].

Тихий (слабый) звук: *ни звука* ‘полнейшее безмолвие, абсолютная тишина’ [13, с. 255], *муха пролетит – услышишь* ‘о полной тишине’ [Там же, с. 382], *as silent as the grave* (букв.: тихий как могила) [14, с. 325]; *un silence de qui-vive* (букв.: тишина, которая живет) ‘напряженная, настороженная тишина, настороженное молчание’ [8, с. 1014]; *en silence* (букв.: в тишине) ‘молча, не разговаривая; тайно, тайком; в глубине души, не жалуясь’ [Там же]; *le reste est*

silence / the rest is silence ‘дальше тишина’ (предсмертные слова Гамлета) [Там же, с. 1016]; *silence de glace* (букв.: ледяная тишина) ‘враждебное молчание; ледяное молчание’ [Там же, с. 254]; *silence de mort* (букв.: тишина смерти) ‘гробовое молчание’ [Там же, с. 967]; *solitude et silence sont d'amères présences* (букв.: одиночество и тишина – это горькое присутствие) ‘нет горшего страдания, чем одиночество и молчание’ [Там же, с. 1024].

Еще одним релевантным параметром звука, который определяет национально-культурную специфику языкового общества, является **источник его звучания**, который подразделяется на акустические средства звучания (воспроизведение звуков внешней среды) и артикуляционные средства звучания (воспроизведение звуков посредством артикуляционного аппарата человека).

Акустическая природа звука зависит от колебаний того или иного предмета. Соответственно, можно выделить звук музыкальный и звук шумовой.

В случае музыкальной природы источником звука являются музыкальные инструменты, обладающие богатством динамических и тембровых свойств: *dudette в одну дудку* ‘настойчиво, надоедливо и тупо повторять одно и то же’ [13, с. 211], *иерихонская труба* ‘очень громкий, трубный голос’ [Там же, с. 690], *blow your trumpet/ horn* (букв.: трубить в свою трубу) ‘кричать на каждом углу (о своих успехах)’ [14, с. 251], *beat the drum* (букв.: бить в барабан) ‘поддерживать, шумно рекламировать что-либо’ [Там же, с. 71]; *à son de trompette* (букв.: под звуки трубы) ‘широковещательно, с большим шумом’ [8, с. 986]; *sonner l'olifant* (букв.: звонить в Олифант – рог Роланда в «Песне о Роланде») ‘шуметь, трубить о чем-либо’ [Там же, с. 988]; *sonner la trompette* (букв.: трубите в трубы) ‘делать что-либо с шумом, треском’ [Там же]; *c'est toujours la même guitare!* (букв.: это всегда та же гитара) ‘смените пластинку, надоело слушать одно и то же’ [Там же, с. 359]; *coup de cloche* (букв.: удар колокола) ‘предостережение, предупреждение’ [Там же, с. 297]; *entendre sonner les cloches et ne pas savoir dans quelle paroisse* (букв.: слышать звон колоколов и

не знать в каком приходе) ‘слышать звон, да не знать, где он’ [Там же, с. 299]; *à petite cloche grand son* (букв.: у маленького колокола большой звук) ‘мал золотник, да дорог; мал да удал’ [Там же, с. 695].

Шумовой звук включает в себя морской шум, свист, скрип, скрежет, щелчки: *жуужжать в уши* ‘надоедливо, настойчиво повторять что-либо; говорить об одном и том же’ [13, с. 231], *ветер свистит в ушах* ‘о быстром беге, езде’ [13, с. 67], *прохлопать ушами* ‘проявив пассивность, упустить какую-либо возможность’ [Там же, с. 542], *провалиться с треском* ‘неожиданно потерпеть большую неудачу’ [Там же, с. 532]. В английском языке к данной категории можно отнести фразеологические обороты: *whistling in the dark* (букв.: свистеть в темноте) ‘скрывать страх, волнение; напускать на себя спокойствие’ [14, с. 61], *call the tune* (букв.: вызывать мелодию) [14, с. 214], *when it comes to the crunch* (букв.: когда все приходит к треску) [Там же, с. 58], *get a buzz* (букв.: получить гул) [Там же, с. 39]; *take a hammering* (букв.: брать стук) ‘потерпеть неудачу; проиграть с треском’ [Там же, с. 101]; *à grand bruit* (букв.: на большой шум) ‘с шумом, с помпой, с треском; громогласно’ [8, с. 254]; *bruit de casserole* (букв.: шум кастрюли) ‘неприятный звук; скрежет’ [Там же, с. 268]; *la plus mauvaise roue d'un chariot fait toujours le plus de bruit* (букв.: самое плохое колесо повозки всегда издает больше всего шума) ‘пустая бочка пуще гремит’ [Там же, с. 698].

Представленные фразеологические обороты могут быть проанализированы в рамках сопоставительного подхода. Результатом такого анализа может служить тот факт, что звуковое пространство приобретает культурную коннотацию через номинативные единицы языка: *ивановская (площадь), базар, дудка, труба, trumpet, horn, drum*. Процесс фразеологизации, то есть переосмысления составляющих устойчивых оборот единиц, способствует созданию такой образности, которая впоследствии делает ФЕ культурно маркированной. Таким образом в каждой культуре складывается собственное виденье и восприятие того или иного явления действительности.

Фразеологические обороты, отражающие звуковое пространство, источником которого является человек (артикуляционная природа звука), образуют наиболее многочисленную группу во всех трех языках.

Например, в русском языке можно выделить группу ФЕ, основным элементом которых является человеческий голос: *во весь голос* ‘очень громко (говорить)’ [13, с. 149], *петь не своим голосом* ‘подражать кому-либо’ [Там же, с. 468], *повышать голос* ‘говорить раздраженно, громче, чем обычно’ [Там же, с. 479] и др. В английском языке к этой группе можно отнести такие ФЕ: *blow the whistle* (букв.: дуть в свисток) [14, с. 266], *at the top of one's voice* (букв.: на вершине своего голоса) [Там же, с. 250], *cream your head off* (букв.: кричать во всю голову) [Там же, с. 117].

Во французском языке существует множество компаративных фразеологизмов с компонентом *crier* ‘кричать’: *crier comme quatre* (букв.: кричать как четверо) ‘поднять адский шум’ [8, с. 326]; *crier comme un aigle* (букв.: кричать как орел) ‘пронзительно кричать’ [Там же, с. 327]; *crier comme un perdu* (букв.: кричать как потерянный) ‘орать как сумасшедший’ [Там же]; *crier comme un putois* (букв.: кричать как негодяй) ‘вопить, кричать благим матом; отчаянно протестовать’ [Там же, с. 867]. Фразеологический оборот *crier comme un aveugle* (букв.: кричать как слепой) ‘кричать как оглашенный’ [Там же, с. 35] во французском языке имеет варианты зависимого компонента: *comme un aveugle qui a perdu son bâton* (букв.: как слепой, потерявший свой посох), *comme un beau diable* (букв.: как прекрасный дьявол), *comme un brûlé* (букв.: как обожженный), *comme un charretier* (букв.: как возчик), *comme un damné* (букв.: как проклятый), *comme un dératé* (букв.: как обезумевший), *comme un écorché* (букв.: как оскверненный), *comme un enragé* (букв.: как бешеный), *comme un fou* (букв.: как безумный), *comme un sourd* (букв.: как глухой) [Там же].

Таким образом, проведенный теоретический обзор различных подходов по вопросу выявления национально-культурной специфики ФЕ, отражающих

звуковое пространство в русском, английском и французском языках и собственный анализ по теме исследования позволяют сделать некоторые выводы. Анализируя фразеологизмы, отражающие звуковое пространство, нами были выявлены такие параметры звука, закрепившиеся в их образных основаниях, как его сила или мощность (громкий звук/ слабый звук); природа или источник появления (акустический (музыка/шум)/ артикуляционный). Проследив особенности каждого из народов в понимании основных параметров звукового пространства, можно сказать о наличии универсальных реалий, которые имеют сходный образ в сознании носителей различных культур.

Библиография

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. 312 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт. 1998. 1534 с.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: URSS, 2010. 408 с.
4. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 71-94.
5. Добровольский Д.О., Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1998, № 6, С. 57-61.
6. Зимин В.И. Культурная коннотация фразеологизмов русского языка // STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA. 2006. Vol. XXXIII. pp. 133-140.
7. Маслова В.А. Лигвокультурология. М.: АСАДЕМА, 2004. 202 с.
8. Новый большой французско-русский фразеологический словарь/ В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др.; под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык, Медиа, 2005. 1624с.
9. Розенталь Д.Е., Теленкова М.А. Словарь справочник лингвистических терминов: 3е изд., исп. и доп. М: Просвещение, 1985. 357с.
10. Скачкова Л.В. Об аксиологической информации, представленной во фразеологизмах // Современные вопросы филологии и переводоведения: Сборник научных статей XV Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2018. С. 222 – 225.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996. 288 с.

12. Труфанова Л.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №99. С.196-202.
13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ. 2008. 904 с.
14. Cambridge English dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 14.09.2021).
15. Vassilenko A. P., Karabulatova I. S., Vasilishina E. N., Tukaeva R. A., Barabash V. V. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture // Opcion. 2018. Т. 34. № 85. P. 825 – 839.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Osnovy frazeologii. M.: FLINTA, Nauka, 2013. 312 s.
2. 4.Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Gl. red. S.A. Kuznecov. Sankt-Peterburg: Norint. 1998. 1534 s.
3. Gak V.G. Jazykovye preobrazovanija. M.: URSS, 2010. 408 s.
4. Dobrovolskij D.O. Obraznaja sostavljajushhaja v semantike idiom // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 1. S. 71-94.
5. Dobrovolskij D.O., Nacional'no-kul'turnaja specifika vo frazeologii // Voprosy jazykoznanija. 1998, № 6, S. 57-61.
6. Zimin V.I. Kul'turnaja konnotacija frazeologizmov russkogo jazyka // STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA. 2006. Vol. XXXIII. pp. 133-140.
7. Maslova V.A. Ligvokul'turologija. M.: ACADEMA, 2004. 202 с.
8. Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar'/ V.G. Gak, L.A. Muradova i dr.; pod red. V.G. Gaka. M.: Russkij jazyk, Media, 2005. 1624s.
9. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar' spravocnik lingvisticheskikh terminov: 3e izd., isp. i dop. M: Prosveshhenie, 1985. 357s.
10. Skachkova L.V. Ob aksiologicheskoj informacii, predstavlennoj vo frazeologizmah // Sovremennye voprosy filologii i perevodovedenija: Sbornik nauchnyh statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2018. S. 222 – 225.
11. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Nauka, 1996. 288 s.

12. Trufanova L.A. Nacional'no-kul'turnaja specifika frazeologizmov (na materiale frazeologicheskikh edinic neantropocentricheskoj napravlenosti v anglijskom i russkom jazykah) // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2009. №99. S.196-202.
13. Fjodorov, A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. M.: AST. 2008. 904 с.
14. Cambridge English dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 14.09.2021).
15. Vassilenko A. P., Karabulatova I. S., Vasilishina E. N., Tukaeva R. A., Barabash V. V. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture // Opcion. 2018. Т. 34. № 85. P. 825 – 839.

УДК 81. 373

Шидакова Л. В.

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик
E-mai: sendi_0795@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЗООНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Аннотация: Фразеологические единицы (далее ФЕ) с компонентом «зооним» изучались многими лингвистами с разных аспектов. В данной статье мы провели анализ национально-культурной специфики устойчивых единиц с зоосемическими компонентами в русском языке. Именно ФЕ свойственно отражение различных процессов, связанных с развитием культуры народа. Они фиксируют и передают от поколения к поколению культурные ценности и установки, что обусловило актуальность такого анализа.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, фразеологизмы, устойчивые сочетания, зоонимы, культура, язык, коннотация, ассоциативный ряд.*

Shidakova L. V.

Kabardino-Balkar State University named
after H.M. Berbekov, Nalchik

E-mai: sendi_0795@mail.ru

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A ZOONYMIC COMPONENT

Abstract: Phraseological units (hereinafter phraseological units) with the component “zoonim” have been studied by many linguists from different aspects. In this article, we analyzed the ethnic and cultural specifics of stable units with zoosemic components in the Russian language. It is PU that reflects various processes associated with the development of the culture of the people. They record and transmit cultural values and attitudes from generation to generation, which has led to the relevance of such an analysis.

Key words: phraseological units, phraseological units, stable combinations, zoonyms, culture, language, connotation, associative array.

Язык – это общественное явление, которое рассматривается как достояние его носителей и выступает в качестве накопителя лингвистической культурно-языковой информации о мире. Он отражает все сферы жизнедеятельности, тем самым являясь зеркалом национальной культуры.

В. Гумбольдт рассматривал разные языки как различное воззрение и видение мира разными народами [3, с. 115]. Язык в себе содержит самобытность и определенную картину мира, что может выражаться по-разному у различных этносов. Сквозь призму своего родного языка человек определяет свою идентичность, сущность и выстраивает свою картину мира.

Фразеологический фонд национального языка выступает источником информации и знания о народе. В них закодированы своего рода сообщения о духовном, материальном мире, а также о внешнем и внутреннем составляющем народа в абсолютно разные исторические периоды [4, с. 37]. Источником

элементов культуры является денотация, являющаяся основой образной фразеологической единицы. Описание этой категории возможно только при соотнесении слов и словосочетаний с теми или иными категориями культуры, что позволяет расшифровать культурный код и, осмысливая на языке народа, описывать культурный дискурс. При детальном изучении этих аспектов можно выявить, что фразеологизмы, появляющиеся в культуре, основаны на философских, религиозных убеждениях и установках народа. ФЕ можно рассматривать как фрагменты картины мира, характеризующиеся специфичностью лингвокультурной общности. Здесь важно отметить, что не все фразеологизмы могут являться носителями национально-культурной информации.

Языковая картина мира предполагает рассмотрение слов с абсолютно разных сторон в контексте той или иной культуры [1, с. 891]. Одним из важных фрагментов языковой картины мира является зооморфная лексика. Они могут входить в состав ФЕ и представляют массивный пласт языка.

В зоонимах отражаются характерные черты жизнедеятельности человека, когда образы животных начинают наделяться немотивированными свойствами, которые могут противоречить и логике. Данные образы уходят в глубину человеческого сознания, через его мифологию и верования. Важно отметить, что в жизни человека роль животных всегда была достаточно велика. Особенно стоит подчеркнуть период развития человечества, когда человек и животное рассматривались как естественные соседи. Также стоит отметить теорию происхождения людей от животных.

Наличие фразеологизмов с данным компонентом в языке объясняет тесную и продолжительную связь человека с фауной, которая уходит в глубокую древность.

Фразеологические единицы с зоонимическим компонентом можно классифицировать в соответствии с их тематическими группами:

1. Внешний вид, физические характеристики человека, возраст (*слепая курица, мокрая курица...*);
2. Черты характера человека (*добрый пес, божья коровка...*);
3. Эмоционально-психическое состояние человека (*заблудшая овца, кошки скребут...*);
4. Социальная сфера (*птица высокого полета, важная птица...*);
5. Морально-этические представления (*дареному коню в зубы не смотрят...*) и т.д.

Зоонимы являются определенным кодом культуры, которые могут стать не только барьером межкультурной коммуникации, но и проложить мост между отличающимися культурами, т.к. зоонимы являются средством языка, которые вербализуют картину мира во вторичном процессе интерпретации знака (семиозисе). Это объясняется тесной связью человечества и мира животных, что наблюдается со времен первобытного человека.

По мнению В.Н. Телия, коды культуры в языке реализуются через сакральные тексты, фразеологизмы, метафоры, паремии [7, с. 288]. Именно данные единицы могут являться символами и могут быть использованы во вторичной номинации. Зоонимический код представляется в различных языках, но он не часто совпадает в них и толкуется по-разному.

Например, национально-культурная специфика фразеологизмов может проявляться на трех уровнях:

- 1) в совокупном фразеологическом значении;
- 2) в значении отдельных лексических компонентов;
- 3) в прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено (т.е. в прототипах фразеологических единиц).

Наименования животных представляют собой сложное формирование иерархически организованной системы лексико-фразеологического гнезда с вершиной зоонимом. В различных языках, соответственно культурах, те или иные животные символизируют какие-либо явления и имеют определенную

коннотацию. В рассматриваемых нами культурах животные выступают в качестве «друга» человека, и, в связи с этим, актуальной является проведение параллели мира человека и мира животных, что и аргументирует функционирование зоонимов в речи.

Взаимодействие животных и человека привело к определенным ассоциативным связям, в которых отражается поведение человека, присущее животному. Человек в своем поведении нередко похож на какое-либо животное, что отражено во фразеологизмах, где ярко прослеживается выделение отрицательных качеств человека при помощи сравнения с животным, тем самым высмеивая поведение, выходящее за рамки установленного. В основу этих ассоциаций легли наблюдения людей за практической деятельностью животных.

В узком значении зоонимы – это собственные имена животных, например, Марта – кличка коровы; Жучка – кличка собаки; Маркиза – кличка кошки; Буцефал – кличка лошади и др. Если рассматривать в широком понимании, то зоонимы рассматриваются как имена нарицательные, которыми именуются животные, например, лошадь, собака, лев, змея.

В русском языке можно встретить зоофамилии, истоками которых, как мы предполагаем, были личные языческие имена-прозвища, которые из-за негативной ассоциации теряют статус личного имени (заяц – «трусливый»; баран – «упрямый»...). В настоящее время данные зоофамилии используются довольно редко, например, Лев.

Зоонимы составляют многоцелевую лексико-тематическую категорию любого языка и выступают основой развития существенных фрагментов языковой картины этноса в ходе исторического формирования языков. Они занимают особое место в культуре каждого народа, имеют свою коннотацию и ассоциативный ряд, от них образованы фамилии как в русском, так и в кабардино-черкесском языках, входят в состав устойчивых выражений. Все вышеперечисленное указывает на высокую степень метафоризации слов

данного пласта лексики. Одним из самых ярких стилистических средств речи являются фразеологические обороты с зоонимическими компонентами.

Разные исследователи ФЕ с компонентами зоонимами именуют по-разному, например, Малфеева Е.Р. называет данную категорию фразеологические единицы с компонентом-зооним [5]; Бирюкова Н.В. анамалистическими фразеологизмами и т.д. [2, с. 18]. Для краткости фразеологические единицы с компонентом-зооним именуют фразеологизмами с зоокомпонентами.

Необходимо отметить, что фразеологизмы с компонентом-зооним в русском языке могут основываться на разных специфических образах, которые имеют ярко выраженный национальный характер.

Зоолексика для осуществления анализа дает большие возможности, так как данная категория лексики отражает многовековую практическую деятельность этноса, его духовную культуру и мировоззренческие особенности, потому что данный пласт способен выявлять общее и специфическое в культуре того или иного народа. Наиболее ярко общие и специфические характерные черты отражаются в мировидении и миропонимании через проекцию явлений окружающей действительности, животного мира на человека. По мнению Малфеевой Е.Р., 80% фразеологизмов с компонентами зоонимами обозначают человека, а 20% – это неодушевленные предметы [5, с. 123].

Человек, который выделяется в обществе какими-либо действиями, являющиеся противоположными нормам и установкам этноса или же выделяющийся какими-либо положительными поступками, уподобляется животному. Например, в русском языке – *белая ворона*. Так говорят про человека, который выглядит, либо поступает «не как все». Данный фразеологизм толкуется чаще всего в негативном ключе.

В русском языке существуют фразеологизмы, построенные по принципу сравнения с помощью «как»: *как рыба в воде* – совершенно свободно, непринужденно, легко; *как церковная мышь* – очень бедно, в нужде; *как пчелы*

на мед – о чем-либо привлекательном, «сладком»; *как с гуся вода* – про тех, кому все сходит с рук.

Лингвисты подчеркивают, что сравнение – это «первичная, исходная и потому важнейшая форма языкового образа» [6, с. 5]. Подобная структура речевых выражений является «средством освоения эмпирически познаваемой деятельности и одновременно – ее оценивания в образах-эталонах», фундаментальной основой которого является принцип тематических слов, т.е. «сопоставление с животными, растениями, вещами, явлениями природы» [8, с. 302].

Устойчивые словосочетания основаны на тех реалиях жизни и быта народа, которые «важны», либо имеют тесную связь с их культурой. Что касается животного мира, можно выделить более почитаемые, культовые образы рассматриваемых языков, которые отображают представления этих народ о мироздании, о своем происхождении и положении своего народа в мире.

Неофициальным символом славянского мира является медведь. С давних времен сложилось стереотипное мнение, что именно медведь является покровителем России, чему поспособствовали иностранные путешественники и торговцы. Во времена язычества медведь был тотемным животным; в Средневековье они исполняли смертный приговор, купцы продавали медвежий жир и шкуру, данное животное всегда почиталось. У иностранцев он ассоциировался с Россией, что подтверждается и в современном мире. Образ грозного, сильного зверя закрепился за русским народом и вызывает ассоциативный ряд, «вплетаемый» в структуру устойчивых словосочетаний.

В русском языке много ФЕ с зоонимическим компонентом «медведь»:

- 1) *Медведь на ухо наступил* – тот, кто лишен музыкального слуха;
- 2) *Делить шкуру неубитого медведя* – преждевременно оценивать результаты какого-либо дела, распределять прибыль от еще неосуществленной работы;

- 3) *С медведем дружись, а за ружье дерись* (посл.)
- 4) *Медвежья услуга* – неумелая, неловкая услуга, приносящая вред

вместо пользы;

- 5) *Давить медведя* – очень долго и крепко спать;
- 6) *Медвежья болезнь* – болезнь, полученная от сильного страха;
- 7) *Медвежий угол* – захолустье, отдаленное, глухое место;
- 8) *Давать медведя* – идти в обход;

Официальным символом русского народа является двуглавый орел. В культуре славянского мира он символизирует свободу, жизненную силу и крепкий дух человека, что отражено в следующих устойчивых выражениях: *свободный, как орел; носиться, как орел; видеть, как орел; жить крылато, как орел.*

Эта птица всегда ассоциировалась с такими качествами, как гордость, непреклонность, смелость и отвага (*смелый/гордый, как орел; орлиным оком; крик орла; могучий, как орел*).

Тем не менее, отождествление с данной птицей в устойчивых словосочетаниях, сравнение с орлом может быть употреблено для выражения сарказма, иронии: *«Тоже мне, орел!»*, *«Орлик»*. Данные примеры выражают переоценивание своих физических сил и возможностей человеком. Также можно привести пример, в котором отражается не физическая, а переоцененное умственное превосходство – *«Видом орел, а умом тетерев»*.

В русском языке есть выражения, которые имеют в своем составе зооним «орел» с подтекстом пренебрежения: *и орел выше солнца не летает; орел свободен, когда крылья есть; царь птицам – орел, да боится сокола.*

В языковой картине мира данного народа зооним «орел» воплощает статью, красоту и благородство. Он выступает исключительно в позитивном ракурсе и имеет положительную коннотацию.

Несмотря на то, что вышеприведенные примеры являются достаточно символическими в русской культуре, одним из наиболее частотных зоонимов является компонент «собака».

Испокон веков собака, считаясь другом человека, нашла свое отражение и в языковой картине мира. Как правило, упоминание данного животного вызывает положительные ассоциативные связи («верный», «преданный»), но, проанализировав фактологический материал фразеологизмов русского языка, было выявлено, что образ собаки содержит в себе многие поведенческие аспекты, присущие человеку, и выражается чаще всего с отрицательной коннотацией. Стоит также отметить, что положительная коннотация данного образа может выражать и ироническое негативное отношение, что можно проследить в устойчивых словосочетаниях. В качестве примера приведем фразеологическое выражение *«Жить как кошка с собакой»*, что означает находиться в состоянии крайней неприязни по отношению друг к другу. Как мы видим, в русской языковой картине приведенные примеры отражают соперничество и неуживчивость данных животных.

Таким образом, анализ приведенных примеров позволяют заключить, что зоолексема «собака» чаще всего имеет отрицательный посыл и предполагает характеристику человека, способного на низкие дела и поступки. Кроме того, можно отметить, что в разговорном дискурсе данная лексема может употребляться как грубое выражение. В основе этого лежит представление о данном животном как об опасном, злом, но которого можно приручить, и тогда он может быть верным другом.

Примечательна группа фразеологизмов с компонентом «конь», «лошадь». В русском языке данное животное не менее популярно, чем собака. Зооним «лошадь» реализует следующие значения в русском языке: усталость, изношенность, старость, неясность, неравенство и справедливость: *«ломовая лошадь»* (много и тяжело работать), *«рабочая лошадка»* (трудолюбивый человек), *«бред сивой кобылы»* (пустословие, болтовня), *«работать как*

лошадь» (много работать), *«темная лошадка»* (человек, от которого неизвестно, чего ожидать), *«ставить на ту лошадку»* (сделать правильный выбор).

При анализе ФЕ с компонентом зоонимом «конь», в русской культуре большинство фразеологизмов с данным зоонимом выражает негативную, либо нейтральную коннотацию.

В жизнедеятельности носителей языка и культуры рождаются связи ассоциативного характера. Овладение родным языком подразумевает то, что человек «пропитывается» данными связями в процессе познания родной культуры.

В процессе анализа ФЕ с зоонимическим компонентом было выявлено, что самыми показательными и символическими зоонимическими компонентами в устойчивых сочетаниях выступили *«медведь»*, *«орел»*, а наиболее частотным зооним – *«собака»*.

Особый интерес представляют фразеологизмы с зоонимическим компонентом библейского происхождения. Например, *змий искуситель* (тот, кто вводит в искушение), *козел отпущения* (тот, кто несет наказание/ответственность за других), *заблудшая овца* (сбившийся с правильного жизненного пути), *волк в овечьей шкуре* (притворщик, лицемер), *Валаамова ослица* (неожиданно заговоривший человек), *метать бисер перед свиньями* (объяснять тому, кто не поймет).

Одними из активных зоонимических компонентов являются «корова», «бык». Данное объясняется тем, что в крестьянских семьях вышеназванные животные имели большое значение в хозяйстве. Стоит отметить, что фразеологизмы с компонентом «корова» наиболее частотны, чем ФЕ с компонентом «бык». ФЕ с первым компонентом имеют негативную окраску и чаще всего применяются к образу женщины (*как корова на льду* – «неуклюжесть»; *ворочаться как корова* – «медлительность»; *реветь как корова* – «громко плакать»; *важный как холмогорская корова* – «очень важный»). ФЕ с

зоокомпонентом «бык» выражает силу и решительность и применяется к образу мужчины (*здоров как бык* – «крепкое здоровье имеет»; *взять быка за рога* – «взять в свои руки, проявить решительность»; *как бык на красную тряпку* – «проявлять раздражение/ярость»). В выражении «*силен как бык, а смирен как корова*» (несоответствие внешнего устрашающего вида с духовным добродушием) ярко прослеживаются гендерные отличия этих двух зоонимов, что переносится на человека при их употреблении.

Национально-культурная специфика отражается во фразеологизмах в случае, когда та или иная проблема осознается человеком и обществом, что позволяет закрепить информацию о представлениях народа, касающихся тех или иных предметов и явлений, в исторической памяти, следовательно, закрепляется в языке, передаваясь из поколения в поколение. Важно обратить внимание на то, что фразеологические обороты – это своеобразная часть выразительных средств языка, отображающие ментальность народа. Если фразеологизм выступает как инструмент передачи культурной информации, то менталитет – это способ видеть мир и реальную действительность в формах (русле) родного языка.

Фразеологический фонд языка является ценным лингвистическим наследием, в котором отображаются мировоззрение народа, менталитет, традиции.

Проведенный анализ показал, что фразеологические единицы с зоонимическим компонентом могут быть классифицированы по тематическим группам, происхождению. Данные устойчивые сочетания отражают национально-культурную специфику народа, имеют связь с историей, мифологией, религией, следовательно, с его сознанием и менталитетом. Именно по данной причине зоонимы могут фиксироваться в устойчивых выражениях и иметь ярко выраженную коннотацию.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: 1999. – 891 с.

2. Бирюкова Н. В. Анималистическая фразеология русского языка. Ташкент: 1990. - 18 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: 1984. – 115 с.
4. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии//Вопросы языкознания. – 1997. – №6. –С. 37–48.
5. Малафеева Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке. – М.: 1989. – 123 с.
6. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – М.: 2015.- 5с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: 1996. – 288 с.
8. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (отмировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М., 1993. – 302– 315 с.
9. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М: 2008.

References

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. M.: 1999. – 895 s. [Arutyunova N. D. Language and the world of man. M.: 1999. – 895 p.]
2. Birjukova N. V. Animalisticheskaja frazeologija russkogo jazyka. Tashkent: 1990. - 18 s. [Biryukova NV Animalistic phraseology of the Russian language. Tashkent: 1990. - 18 p.]
3. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: 1984. – 115 s. [Humboldt V. Selected works on linguistics. M.: 1984. – 115.]
4. Dobvol'skij D.O. Nacional'no-kul'turnaja specifika vo frazeologii//Voprosy jazykoznanija. – 1997. – №6. –37–48 s. [Dobrovolsky D.O. National and cultural specificity in phraseology // Questions of linguistics. – 1997. – №6. –37–48 p.]
5. Malafeeva E. R. Semanticheskaja struktura frazeologizmov s komponentom-zoonimom v sovremennom russskom literaturnom jazyke. – M.: 1989. – 123 s. [Malafeeva ER Semantic structure of phraseological units with a zoonym component in the modern Russian literary language. – M.: 1989. – 123 p.]
6. Ogol'cev V.M. Ustojchivye sravnenija v sisteme russskoj frazeologii. – M.: 2015. - 5 s. [Ogoltsev V.M. Stable comparisons in the system of Russian phraseology. - M.: 2015. - 5 p.]
7. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: 1996. – 288 s. [Telia V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M .: 1996 .-- 288 p.]

8. Telija V.N. Kul'turno-nacional'nye konnotacii frazeologizmov (otmirovidenija k miroponimaniju) // Slavjanskoe jazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj sezid slavistov. – M., 1993. – 302– 315 s. [Telija V.N. Cultural and national connotations of phraseological units (from the worldview to the worldview) // Slavic linguistics. XI International Congress of Slavists. - M., 1993. - 302–315 p.]
9. Fedorov A.I. Frazelogicheski slovar' russkogo literaturnogo jazyka. – M: 2008. [Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. - M: 2008.]

УДК 81.33

Алиева Л.Б.

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик
E-mail: lamiiaalieva@gmail.com

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В
ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА**

Аннотация: статья посвящена исследованию гендерно-маркированных фразеологических единиц и выявлению специфических черт маскулинности/феминности, отраженных во фразеологическом фонде русского языка. В ней рассмотрены понятийный аппарат работы, в частности термины «гендер», «маскулинность», «феминность», описаны результаты анализа ассоциативного эксперимента и анкетирования, проведенного среди студентов в возрасте от 17-25 лет. Материалом для эксперимента послужили гендерно-маркированные фразеологические единицы русского языка.

Ключевые слова: ассоциации, реакция, стимул, фразеологическая единица, феминность, маскулинность.

Alieva L.B.

Kabardino-Balkar State University
named after HM Berbekov, Nalchik
E-mail: lamiiaalieva@gmail.com

LINGUOCOGNITIVE FEATURES OF GENDER-LABELED PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF STUDENTS

Abstract: the article is devoted to the study of gender-marked phraseological units and the identification of specific features of masculinity / femininity, reflected in the phraseological fund of the Russian language. It considers the conceptual apparatus of work, in particular, the terms «gender», «masculinity», «femininity». The article analyzes an associative experiment and questionnaires conducted among students aged 17-25. The material for the experiment was the gender-marked phraseological units of the Russian language.

Key words: associations, reaction, stimulus, phraseological unit, femininity, masculinity.

Антропоцентрическая парадигма, которая в XX веке вновь заняла свое место не только среди гуманитарных наук, но и в науке в целом, является интересной и не полностью изученной. Специфичной чертой данной парадигмы является то, что она ставит человека во главу угла и изучает все остальные объекты исследований по отношению к человеку. В недавнем прошлом объектами лингвистики являлись только текст и язык, а теперь появился новый объект – языковая личность. Насколько этот объект считается новым – вопрос спорный, так как еще в античном мире понимали необходимость изучения языка по отношению к человеку.

Антропоцентричность любого языка ярко отражается во фразеологии. Фразеологический фонд хранит культурные ценности общества в тот или иной промежуток времени. Изучая фразеологические единицы, мы можем понять традиции, обычаи, стереотипы того или иного народа.

Одной из центральных проблем современной фразеологии является изучение антропоцентрических и аксиологических аспектов ФЕ, т.е. «человека во фразеологии».

Несмотря на значительные достижения в области изучения диады «человек – фразеология», некоторые явления, имеющие существенное значение как для теории языка, так и для лексикографической практики, ещё не получили достаточного описания. Анализ работ отечественных и зарубежных авторов показал, что по-прежнему остается открытым вопрос об особенностях функционирования фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе носителя языка

Важно отметить тот факт, что фразеологический фонд являясь сокровищницей культуры, ценностей, стереотипов дает возможность для тщательного изучения гендера и в историческом прошлом, и в современном мире. Для анализа гендерно-маркированных ФЕ мы решили провести ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент является одним из основных методов для ментальной репрезентации лексических единиц, в частности фразеологизмов, у отдельной языковой личности.

Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В психологическом словаре данный термин определяется как особый метод исследования мотивации личности. Он позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка [3, с. 150].

Цель нашего эксперимента – выявить ассоциации к гендерно-маркированным фразеологическим единицам у студентов.

В качестве испытуемых для нашего эксперимента выступили 107 студентов в возрасте 18 – 25 лет, обучающихся в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова.

При анализе ответов-реакций на слова-стимулы мы выделили следующие группы реакций:

- соматизмы как физиологические показатели;
- хрононимы, т.е. знаки возраста;
- интеллективы, т.е. знаки проявления интеллекта;
- бегахетивы или поведенческие знаки;
- квалитативы или знаки положительных качеств личности;
- эксквизитивы как знаки эстетического свойства;
- секситивы, т.е. знаки сексуальности и проявления влюбленности;

Для подробного начального анализа мы выделили 10 гендерно-маркированных ФЕ.

1. Кисейная барышня – жеманная, с ограниченным кругозором девушка, получившая патриархальное воспитание.

Так как у нас разное количество мужчин и женщин – информантов, то для более четкой картины, мы определили процентное соотношение положительных и отрицательных реакций: у женщин 46% / 54% соответственно; у мужчин – 20% / 80%. В обеих группах некоторыми испытуемыми были пропущены ответы – они составили около 19% от общего количества ответов.

Данная ФЕ у большинства испытуемых ассоциировалась с отрицательными качествами/признаками женщины, что является оправданным на когнитивном уровне.

Однако нельзя не отметить, что в процентном соотношении у информантов-мужчин отрицательных реакции было вдвое больше, чем у информантов-женщин.

2. Мальчик на побегушках – о человеке, выполняющем мелкие и несложные поручения, не требующие особой квалификации.

В процентном соотношении у нас получились следующие результаты: женщины-информанты дали 33% положительных реакций и 67% отрицательных, мужчины-информанты 22% / 78% соответственно.

Несмотря на то, что количество отрицательных реакций больше у обеих групп, самой частой реакцией является «выполняющий поручения», данную реакцию мы отнесли к положительным, так как в ней, на наш взгляд, не наблюдается уничижение личности.

Были также реакции отвлеченного характера: *неуважение, плохо, недостойно* – данные ассоциации не включены в нашу таблицу, однако они ясно выражают отрицательную характеристику данной ФЕ.

3. Чертова перечница – старая, вздорная и сварливая женщина.

Соотношения положительных/отрицательных реакций у женщин-информантов – 92%/8%. А вся мужская часть испытуемых дали отрицательную характеристику.

Третья часть информантов дала отвлеченные ответы: *перец, рассыпалось, обед, горечь, проклятие, приправа* и т.д. Данные ответы, в основном, относятся не к ФЕ, а к свободному словосочетанию. Это доказывает, что не все компоненты теряют свое лексическое значение в составе ФЕ.

Исходя из нашего анализа можно предположить, что данное устойчивое выражение не является часто используемым, вследствие чего не закреплено в сознании носителей языка.

4. Мужик в юбке – женщина, выполняющая мужскую работу.

Соотношение положительных/отрицательных реакций: женщины информанты – 48% / 62%; мужчины-информанты – 26% / 74%.

Когнитивно-культурная ассоциация «шотландец» относится не к самой устойчивой единице, а к свободному словосочетанию.

Все отрицательные реакции связаны с тем, что информанты ассоциировали ФЕ с мужчиной, который наделен женскими качествами/признаками.

Реакция «*транссексуал*» была дана тремя испытуемыми, мы не смогли отнести данную реакцию ни к положительным, ни к отрицательным. Но стоит отметить, что реакция была дана информантами-женщинами, что говорит о том, что женский пол более лоялен к новым аспектам общества.

5. Покоритель сердец – мужчина, пользующийся успехом у женщин.

С определением гендерной принадлежности проблем не возникло, что говорит о широкой известности ФЕ. Соотношение положительных и отрицательных реакций у мужчин и женщин очень отличаются: у женщин – 68% / 32%; у мужчин – 31% / 69%.

У женской половины испытуемых количество положительных реакций больше, чем отрицательных, что говорит о том, что женщины более чувственны, романтичны и доверчивы, в то время как мужчины более «трезво» оценивают ситуацию.

6. Сильный пол – мужчины.

Анализ данной ФЕ является более увлекательным. В словаре закреплено определение «мужчины». А вот среди наших информантов-женщин были частотными реакции, которые указывали на феминную группу или относили к гендерно-нейтральному устойчивому словосочетанию. Реакция «*необязательно мужчина*» была дана двумя испытуемыми. Среди информантов-мужчин реакции, которые бы указывали на женский пол отсутствовали. Однако в обеих группах все реакции положительные.

Данная картина ассоциативных реакций показывает нам, что женщины борются со стереотипным мышлением общества, они пытаются отстоять мнение о том, что сильный пол – не признак, который бы описывал только мужчин. А вот отсутствие таких реакций среди мужчин, возможно, говорит о том, что феминистическое движение чуждо нашим мужчинам.

7. Вековечная невеста – немолодая женщина, не бывшая замужем.

Соотношение положительных/отрицательных реакций: женщины информанты – 65% / 35%; мужчины-информанты – 56% / 44%.

Информантом-мужчиной была дана личная реакция «*Лаура*».

Около третьей части испытуемых воздержались от ответа, что указывает на то, что данная ФЕ не является часто используемой. Подтверждением этого

является тот факт, что в НКРЯ мы нашли всего лишь одно упоминание этого устойчивого выражения.

И несмотря на то, что в данном упоминание фразеологизм выражает отрицательную оценку, наши информанты дали в основном положительные реакции, что, возможно, говорит о смене общественных стереотипов.

8. *Блудный сын – о сыне, вышедшем из повиновения родителей, навсегда ушедшем из родительского дома; о члене какого-либо коллектива, переставшем жить по общим правилам.*

Анализ ФЕ «блудный сын» имеет разнообразные слова-реакции, и наибольшее количество синтагматических реакций. Это указывает на то, что данное устойчивое выражение закреплено в сознании носителей языка, именно поэтому они могут дать такое количество разных ответов.

Соотношение положительных/отрицательных реакций: женщины информанты – 2% / 98%; мужчины-информанты – 13% / 87%.

Были также реакции, которые мы не смогли включить в таблицу: *долго не видели, собрать чемодан, картина, возвращение, разочарование, сказка, перестает верить в Бога и т.д.* Однако все эти реакции так или иначе относятся к данной ФЕ, что подтверждает знание и использование устойчивого выражения носителями языка.

9. *Красный каблук – щёголь.*

Половина информантов воздержались от ответа, что указывает на незнание ФЕ.

Соотношение положительных/отрицательных реакций: женщины информанты – 66% / 34%; мужчины-информанты – 35% / 65%.

Ответы мужской и женской половин нашего эксперимента прямо пропорциональны друг другу: в мужском сознании данная ФЕ выражает отрицательную мужскую характеристику, а в женском сознании – положительную, но не абсолютно мужскую, встречаются ответы феминной группы.

Есть испытуемые, реакции которых относятся не к устойчивому выражению в классическом его смысле, а к относительно свободному словосочетанию: *лабутены(3), красные туфли, черевички Царевны, окраска, обувь(4), латекс, прада(2), туфли* и т.д.

10. Бедная Лиза – о брошенной любимой девушке.

У информантов-женщин соотношение положительных/отрицательных реакций равна 59% / 41%. А вот у мужской половины все ответы, кроме когнитивно-культурной реакции «Карамзин», несут отрицательный характер. Стоит отметить, что большинство мужчин либо воздержались от ответа, либо дали ответы по принципу, указанному ниже.

Были также реакции, которые мы не смогли включить в таблицу: *повесть(7), книга о любви(2), литература, тяжелая судьба, разбитое сердце, сентиментализм, поезд, сериал(5), Лиза, но бедная* и т.д.

В целом устойчивые выражение ассоциировалось у информантов либо с девушкой, либо с одноименными книгой\сериалом.

Таким образом, проанализировав проведенный нами ассоциативный эксперимент, мы пришли к выводу, что большая часть информантов смогла определить гендерные роли ФЕ. По словам-реакциям мы выяснили наиболее частотные ответы на устойчивые выражения и можем определить стереотипность, которая закладывается в сознании студентов.

Кроме того, отдельные фразеологические единицы могут занимать различные позиции в общей иерархии индивидуального лексикона: одна и та же ФЕ может быть более «значима» и понятна мужчинам, и наоборот. В целом, наблюдаются некоторые отличия как в ментальной, так и в языковой репрезентации информации, передаваемой фразеологизмами. Выявленные гендерные особенности могут быть объяснены тенденцией к соблюдению информантами предписанных им обществом гендерных ролей, а также их личными знаниями и опытом.

Специфика функционирования гендерных фразеологических единиц в языковом сознании студентов

Целью нашего анкетирования было определить знают ли наши испытуемые гендерную принадлежность, предложенных устойчивых выражений.

Каждую ФЕ было предложено отнести к одной из 4 групп:

- феминной группе;
- маскулинной группе;
- обеим группам;
- не является гендерно-маркированной.

1. **«Кисейная барышня»** - данная ФЕ относится к феминной группе, большая часть испытуемых дали правильный ответ. Однако часть испытуемых, несмотря на то, что в лексике ФЕ уже указана гендерная принадлежность данной ФЕ, все же отнесли ее к не гендерной группе, что указывает на незнание значения устойчивого выражения.

2. **«Мальчик на побегушках»** - данная ФЕ содержит лексический гендерный маркер, вследствие чего мы относим ее к маскулинной группе. Большинство информантов также отнесло устойчивое выражение к маскулинной группе. Но необходимо отметить, что в наши дни такое обращение можно услышать и в адрес женского пола, вероятно, именно поэтому 28% наших испытуемых отнесли ФЕ к гендерно-нейтральной группе. Остальные информанты, которые отнесли к не гендерной группе, скорее всего не знали определения данной единицы.

3. **«Чертова перечница»** – семантика ФЕ указывает на принадлежность к феминной группе. Вероятно, информанты, которые отнесли устойчивое выражение к не гендерной группе, понимают данную единицу как свободное словосочетание, а не как фразеологизм. К такому выводу мы приходим после анализа ассоциативного эксперимента, где встречались ответы, относящиеся к слову «перечница» с негативной окраской.

4. **«Мужик в юбке»** - лексическая гендерная маркировка указывает на маскулинность данной ФЕ. Однако семантическая гендерная маркировка относит ее к феминной группе. Естественно, что мы придерживаемся семантической маркировки. Но данный казус вводит в заблуждение людей, не знающих точного определения выражения, что видно и по ответам наших испытуемых: только 28% отнесли к правильной группе, а это меньше третьей части опрошенных.

5. **«Покоритель сердец»** - данное устойчивое выражение относится к маскулинной группе по своей семантике. Большинство испытуемых отнесло к правильной группе. 28% информантов, которые отнесли к другим группам, скорее всего, не знают и не употребляют данную единицу, что открывает для нас проблему того, что молодые люди мало времени уделяют чтению художественной литературы.

6. **«Сильный пол»** - несмотря на то, что большинство информантов все же придерживается традиционного значения, многие девушки все же ответили по-иному. Они относят ФЕ либо феминной группе, либо к гендерно-нейтральной, что доказывает: девушки не хотят ассоциировать себя со слабостью, беспомощностью.

Интересным является и то, что среди мужчин не было ни единого ответа, который бы относил ФЕ к феминной или гендерно-нейтральной группе, что, на наш взгляд, говорит не просто о знании точного определения устойчивого выражения, а о некоем отстаивании своего мировоззрения, где феминизму все еще нет места.

7. **«Вековечная невеста»** - семантическая и лексическая гендерные маркировки данной ФЕ относят ее к феминной группе, что облегчает выбор для наших информантов даже в том случае, если они не знают значения данного устойчивого выражения. Интересным является то, что, несмотря на это, определенный процент информантов включил ФЕ в не гендерную.

Предполагается, что часть информантов не использует в своей речи ФЕ и не стремится к выяснению сути данного феномена.

8. **«Блудный сын»** - семантика данной ФЕ, как и лексика, относит ее к маскулинной группе, что и отмечено большинством информантов. Однако в разговорной речи устойчивое выражение «блудный сын» иногда все же используется в отношении к женскому полу, чем можно объяснить выбор информантов, которые отнесли ФЕ к гендерно-нейтральной группе.

9. **«Красный каблук»** - такое количество разных ответов объясняется тем, что некоторые информанты, не зная данную ФЕ, дают ответ к свободному словосочетанию, имея в виду элемент обуви. Другие же, так же не зная значения, относят ее к феминной группе, руководствуясь тем, что каблуки в основном носят женщины, что является стереотипным для нашего общества.

10. **«Бедная Лиза»** – повесть Н.М. Карамзина, чем и объясняется значение и происхождение ФЕ. Большинство испытуемых выбрали правильную группу – феминную.

Проведенный нами анализ показал, что:

1. В русском языке гендерно-маркированные фразеологические единицы с репрезентацией феминных качеств содержат в основном отрицательную характеристику. Положительные качества женщин выявляются в концепте «семья».

2. Гендерно-релевантные фразеологические обороты с репрезентацией маскулинных качеств в большей степени отражают положительную характеристику. Главной особенностью является главенствующее положение мужчин в обществе и семье.

3. Для русских гендерно-маркированных ФЕ характерна андроцентричность, так как большинство проанализированных оборотов содержат информацию о «мужественности».

4. Гендерные роли в русской фразеологической картине мира обусловлены особенностями традиционной культуры этноса.

5. Проанализировав проведенный нами ассоциативный эксперимент, мы пришли к выводу, что большая часть информантов смогла определить гендерные роли ФЕ. По словам-реакциям мы выяснили наиболее частотные ответы на устойчивые выражения и можем определить стереотипность, которая закладывается в сознании студентов.

Кроме того, отдельные фразеологические единицы могут занимать различные позиции в общей иерархии индивидуального сознания: одна и та же ФЕ может быть более «значима» и понятна мужчинам, и наоборот. В целом, наблюдаются некоторые отличия как в ментальной, так и в языковой репрезентации информации, передаваемой фразеологизмами. Выявленные гендерные особенности могут быть объяснены тенденцией к соблюдению информантами предписанных им обществом гендерных ролей, а также их личными знаниями и опытом.

6. Изучив ответы информантов в ходе анкетирования, мы пришли к выводу, что третьей части испытуемых было сложно определить гендерную принадлежность той или иной ФЕ, несмотря на то, что в большинстве предложенных ФЕ гендерная принадлежность отражена лексически.

Как было сказано выше, данная проблема исходит из того, что молодежь не увлекается чтением художественной литературы, не умеет пользоваться тем многообразием средств, которые нам предлагает русский язык, не хочет делать речь свою выразительной и эффективной.

Мы живем в веке технологий, в мире, где ценности общества начинают усиленно меняться. Однако наша задача, как филологов, – непрерывно мотивировать детей и студентов к тому, чтобы их речь была правильная, чистая, эффективная, выразительная, и неустанно прививать им любовь к художественной литературе, ведь художественная литература – сокровищница нашего народа, которая хранит в себе весь спектр средств выразительности.

Итак, подводя итоги нашего исследования, можно сказать о том, что патриархальный уклад жизни русского народа нашел свое отражение и во

фразеологии. Фразеология, являясь отражением культурных и исторических изменений, все еще сохраняет свою андроцентричность.

Гендерно-маркированные ФЕ с концептом «мужественность» доминируют над ФЕ с концептом «женственность» не только в количественном отношении, но и в положительно-оценочном. ФЕ, положительно характеризующих мужчин, гораздо больше, чем ФЕ, характеризующих женщин. Особенно ярко мы видим это тогда, когда анализируем ФЕ, отражающие интеллектуальные особенности.

А анализ нашего эксперимента показал нам, что мужчины менее подвержены влиянию новых течений общества, в частности феминистического. Мужчины «отстаивают» патриархальный уклад жизни, в то время как женское общество сделало большой шаг навстречу новым направлениям и готово бороться за свои права не только в правовом режиме, но даже подвергать изменению лексику и семантику русского языка.

Библиография

1. Алиева Л.Б. Особенности репрезентации гендерно-маркированных фразеологических единиц в картине мира// Modern Humanities Succes. № 7, 2020. С.199-203.
2. Аликаев Р.С., Башиева С.К. ФЕ как транслятор этноспецифической информации// Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 106-109.
3. Алферова Ю.И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук / Ю.И. Алферова. Омск, 2005. 182 с.
4. Большой толковый социологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/social_dict (дата обращения: 11.07.2021)
5. Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры. 2005. 617 с.
6. Психологический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/psihologic/> (дата обращения: 11.07.2021)
7. Степанова М.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Виктория плюс, 2016. 703 с.

8. Столлер Р. Пол и гендер: развитие мужественности и женственности. Нью-Йорк: Science House. URL: <https://www.pdfdrive.com/sex-and-gender-the-development-of-masculinity-and-femininity-e165850602.html> (дата обращения: 3.02.2020)

References

1. Alieva L.B. Osobennosti reprezentacii genderno-markirovannyh frazeologicheskikh edinic v kartine mira// Modern Humanities Succes. № 7, 2020. S.199-203.
2. Alikaev R.S., Bashieva S.K. FE kak transljator jetnospecificheskoj informacii// Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 1. S. 106-109.
3. Alferova Ju.I. Professional'no-markirovannye komponenty jazykovogo soznaniya: dis. ...kand. filol. nauk / Ju.I. Alferova. Omsk, 2005. 182 s.
4. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. URL: https://gufo.me/dict/social_dict (data obrashhenija: 11.07.2021)
5. Kirilina A.V Gender i jazyk. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2005. 617 s.
6. Psihologicheskij slovar'. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/psihologic/> (data obrashhenija: 11.07.2021)
7. Stepanova M.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. M.: Viktorija pljus, 2016. 703 s.
8. Stoller R. Pol i gender: razvitie muzhestvennosti i zhenstvennosti. N'ju-Jork: Science House. URL: <https://www.pdfdrive.com/sex-and-gender-the-development-of-masculinity-and-femininity-e165850602.html> (data obrashhenija: 3.02.2020)

УДК 81.373

Карова А.А.

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик
E-mail: alina.ral27@mail.ru

**ДИСКУРСИВНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «КЛЯТВА»
(МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС)**

Аннотация: Статья посвящена изучению жанра «клятва» в медицинском дискурсе русского языка. В данной работе выявляется самостоятельность жанра клятвы медицинского аспекта, его дискурсивные и когнитивные особенности.

Ключевые слова: жанр, клятва, медицинский дискурс, анкета модели речевого жанра, концепт.

Karova A.A.

Kabardino-Balkar State University

named after HM Berbekov, Nalchik

E-mail: alina.ral27@mail.ru

**DISCURSIVE AND COGNITIVE FEATURES OF THE GENRE «OATH»
(MEDICAL DISCOURSE)**

Abstract: The article is devoted to the study of the “oath” genre in the medical discourse of the Russian language. This work reveals the independence of the oath genre of the medical aspect, its discursive and cognitive features.

Key words: genre, oath, medical discourse, speech genre model questionnaire, concept.

Речевые жанры - одна из важнейших и актуальных тем современной дискурсивной лингвистики. По мнению А. Вежбицкой, это ключи для познания культуры общества [1, с. 249]. Устно-речевому дискурсу уделяется большое внимание в определении моделей речевого поведения различных народов, в особенности младописьменных [7, с. 3]. Речевые жанры участвуют в образовании языковой картины мира и являются главными при структуризации и классификации отдельных высказываний.

Дискурс является одним из ключевых понятий современной научной парадигмы лингвистического знания, базирующейся на синтезе когниции и коммуникации [8, с. 228].

В данной статье мы ставим целью исследовать жанр «клятва» в медицинском дискурсивном аспекте, учитывая эти две стороны высказывания: когниции и коммуникации.

Новизна работы состоит в том, что это первое исследование по комплексному изучению клятвы как отдельного жанра, обладающего функциональной поливалентностью и дискурсивной разновидностью.

Материалом исследования послужили тексты клятв Гиппократов, Женевской декларации, Российского врача, Медицинской сестры. Важнейшими задачами, решаемыми в рамках данного исследования, являются следующие:

- 1) выявить жанровые особенности «клятвы» в медицинском дискурсе;
- 2) выявить содержательную и локальную связи между текстами одного дискурса;
- 3) изучить жанр «клятва» как самостоятельный речевой акт, имеющий обязательные лексические и композиционные составляющие;
- 4) исследовать возникающие концепты в текстах клятв медицинского дискурса.

Методы исследования: методы дискурсивного, контекстуального, концептуального анализа, трансформационный метод, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, метод анализа и синтеза, статистический метод.

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения жанра клятвы в медицинском дискурсе, опирающиеся на имеющиеся теоретические разработки в области речевых жанров.

Исследования с точки зрения *дискурсивного подхода* опираются на работы Т.В. Шмелёвой. Используя ее «Анкету модели речевого жанра» и выявляя жанровые особенности клятв медицинского дискурса, мы получили следующие данные:

- 1) *Коммуникативная цель* выбранных текстов заключается в сообщении будущего врача перед публикой о своей готовности помочь

людям, добросовестно исполнять свои обязанности и при этом уважать и хранить память о своём учителе. Обязательным условием является наличие свидетелей. Например, в «Клятве Гиппократата» автор берёт в свидетели Аполлона, Асклепия, Гигию, Панакею и всех богов и богинь [4], в других текстах наблюдается ориентированность на публику, выраженная разными языковыми средствами.

2) *Концепция автора* также реализуется в исследуемых текстах. Автор предстает как человек, который приступает к своим полномочиям, а следовательно, предполагает отношения автора с адресатом по критерию «имеющий – не имеющий полномочия».

3) *Концепция адресата* также наблюдается в этом дискурсе: адресатом являются будущие пациенты, учителя, коллеги, боги и богини.

4) *Событийное содержание* находит реализацию в данных текстах. «Событием» является отнесенность обещания к тому или иному мероприятию: поступление на медицинский факультет, начало работы в медицинском учреждении и т.д.

5) *Фактор коммуникативного прошлого* отсутствует в исследуемых текстах, так как обязательная вводная часть в клятвах не требуется.

6) *Фактор коммуникативного будущего*, как обязательное словесное выражение также не рассматривается, но если учесть, что клятва – это действие, которое свершится в будущем, то можно говорить о программировании позитивной коммуникации будущего.

7) *Языковое воплощение жанра «клятва»* весьма разнообразное: это и сравнительная степень прилагательного: глубочайшего [3], высочайшее [6], глубочайшее, первейшим [5]; это и инверсии со словом «торжественно»: *обещаю это торжественно, принимаю на себя эти обязательства торжественно* и т.п. Повторы придают клятвам больше официальности, публицистичности: «Я» - 8 раз повторяется, «искусство» - 4, «обязательство» -

2, «сила» - 2, «разумение» - 2 [4]; «Я» - 10, «торжественно» - 2, «буду» - 6, «пациент» - 2 [3].

В Клятве Гиппократа 251 слово, в Женевской декларации – 113, в Клятве российского врача – 143, в Клятве медицинской сестры – 214 слов. Такой объем текста объясняется наличием фразы-зачина, поясняющей части и заключительной фразы, т.е. вводная часть репрезентирует, кем и чем клянется автор, дальше причины и следствия его клятвы и завершающее торжественное предложение.

Обязательной составляющей во всех клятвах является лексема «клянусь», которая становится уже некой стандартной неотъемлемой частью клятвы.

Таким образом, анализ клятв в медицинском дискурсивном аспекте по «Анкете модели речевого жанра» Т.В. Шмелёвой показывает, что это отдельное самостоятельное высказывание, имеющее свои композиционные особенности.

Касаясь темы интердискурсивности, можно заметить, что клятвы открыты (могут изменяться со временем), диалогичны, обладают своими композиционными особенностями, во всех клятвах есть лексема «клянусь», являющаяся перформативом. Согласно ЛЭС (Лингвистическому энциклопедическому словарю), перформатив – «высказывание, эквивалентное действию, поступку». Он создает определенную ситуацию и влечет за собой последствия [9]. Как обязательное составляющее клятвы, перформатив является ядерным элементом всех дискурсов.

Так, мы приходим к заключению, что клятва – это интердискурсивный жанр. Такие выводы мы получаем, исследуя жанр «клятва» с точки зрения коммуникации.

Со стороны когниции же этих исследований недостаточно, нужно обратиться к содержательной составляющей. Здесь наиболее полным средством выражения мы считаем концепт. В современном лингвокультурологическом подходе к концепту ключевым является понятие о духовной ценности

поскольку, как правило, проблема ценностей поднималась в эпохи обесценивания культурных традиций и идеологических устоев общества.

Концепт соотносим с категориями значения и смысла. Значение имени – это предмет (денотат), носящий данное имя, смысл – концепт этого денотата, информация, благодаря которой становится возможным отнесение имени к данному предмету.

С.Г.Воркачев предлагает следующую структуру. Он выделяет в составе лингвокультурного концепта три составляющие: *понятийную*, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, *образную*, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостную*, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики. [2, с. 115-124]

Концепты, так же, как и понятия, не обязательно должны иметь, по нашему мнению вербализованную форму, хотя, как правило, они материально существуют, т.е. знаково оформлены.

Анализируя тексты медицинского дискурса: «Клятву Гиппократата», «Клятву российского врача» и «Женевскую декларацию», - мы выделили несколько концептов, представленных в данных высказываниях: тайна, долг, уважение, справедливость, учитель.

Взяв за методологическую основу классификацию С.Г. Воркачёва, упомянутую выше, рассмотрим структуру отдельно каждого концепта.

Лексема «**тайна**» может иметь две дефиниции в зависимости от контекста: «Тайна – 1) нечто неразгаданное, ещё не познанное; 2) нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет» [10, с. 629]. В текстах клятв медицинского дискурса встречается второе значение, так как врач обязуется не разглашать информацию о своем пациенте. Врачебная тайна приобретает образ чего-то священного, нерушимого: «*Клянусь... хранить врачебную тайну*» [6], «*Я буду уважать доверенные мне тайны*» [3]. В «Клятве Гиппократата» автор даже

произносит: *«Чтобы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или не услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной»*. В данном случае адресант выходит за рамки своих профессиональных обязанностей и переходит к этике, воспитанию. Так, становясь врачом, автор словно обязуется быть высоконравственным человеком.

Понятие «долг» тоже имеет две дефиниции: 1) «это то же, что обязанность»; 2) «то, что взято взаймы» [10, с. 151]. В исследуемых клятвах прослеживается первое значение. Мы бы даже добавили, что долг в данном случае можно считать синонимичным лексеме «честь»: *«Я не позволю, чтобы религиозные, национальные, расовые, политические или социальные мотивы помешали мне исполнить свой долг по отношению к пациенту»* [3]. В «Клятве российского врача» звучит уже привычное сочетание: *«Клянусь честно исполнять свой врачебный долг»* [6], но нужно отметить, что в списке того, чем клянется автор, предложение про долг врача стоит первым. Можно предположить, что составители считали долг первоочередной чертой характера настоящего врача. В «Клятве Гиппократата» лексема «долг» заменяется синонимичным «обязательство», при этом автор перечисляет всё, что входит в сказанное понятие: *«Клянусь...исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство:*

Считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому» [4]. Так, только в данной клятве уточняются, какие именно обязанности

возлагаются на будущего врача, тогда как в других это просто священный долг перед Отечеством.

Уважение – «почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств» [10, с. 657]. В разных контекстах такое значение данной лексемы сохраняется. Примером могут послужить пословицы: «Уважение трудно заработать, но легко потерять», «Всякий человек любит уважение», «Уважение человека в его руках» [11]. Могут встречаться и другие формы данного слова: «Если уважаешь народ, то и народ тебя будет уважать», «Худого человека ничем не уважишь» [11].

В клятвах медицинского дискурса данная трактовка также не меняется:

- «Я буду придерживаться глубочайшего уважения к человеческой жизни, начиная с момента зачатия» [3]
- «Клянусь...проявлять высочайшее уважение к жизни человека», «хранить благодарность и уважение к своим учителям» [6].

В этих текстах автор клянётся почтительно относиться к жизни человека и учителям. В «Клятве Гиппократа» лексема «уважение» и её словообразующие и формообразующие элементы отсутствуют. Но, как было изложено ранее, некоторые концепты могут реализовываться в тексте невербально, скрытно. Так, в этой клятве мы встречаем следующие слова: «Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением ... Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного кессария... В какой бы дом я ни вошёл, я войду туда для пользы больного...» [4]. В данной цитате содержится невербальный концепт «уважение», так как автор берёт во внимание мнение пациента («направляю режим больных к их выгоде»), почитает человеческую жизнь («не дам...смертельного средства», «не вручу...абортивного кессария»).

Справедливость – 1) «справедливый – направленный на осуществление правильных, насущных задач»; 2) «справедливое отношение к кому-нибудь, беспристрастие» [10, с. 607].

Обе дефиниции лексемы «справедливость» могут иметь место в текстах клятв медицинского дискурса. Но мы больше склоняемся ко второй трактовке в имеющемся контексте.

«Клянусь...быть требовательным и справедливым к своим ученикам» [6]. В данном случае справедливость – значит беспристрастность, одинаково относиться ко всем воспитанникам.

В «Клятве Гиппократата» мы встречаем не лексему «справедливость», а «несправедливость»: *«Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости»* [4]. Здесь, в отличие от предыдущего текста, речь идёт о равном отношении к пациентам.

В «Женевской декларации» концепт «справедливость» выражен невербально: *«Я не позволю, чтобы религиозные, национальные, расовые, политические или социальные мотивы помешали мне исполнить долг по отношению к пациенту»* [3]. В данном высказывании звучит мысль равенства всех людей перед врачом вне зависимости от их принадлежности к той или иной социальной ячейке общества, т.е. о справедливом отношении ко всем. То же самое и в другой клятве: *«Клянусь... внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношении к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств»* [6].

Концепт «учитель» является очень важным в клятвах этого дискурса. По С.И.Ожегову, **учитель** – 1) «лицо, которое обучает чему-нибудь,

преподаватель»); 2) «глава учения, тот, кто учит чему-нибудь» [10, с. 676]. В наших текстах применимы обе трактовки этого слова.

«Я воздам моим учителям должное уважение и благодарность», - говорится в «Женевской декларации», здесь пересекаются два важных ключевых понятия – «уважение» и «учитель». Примечательно, что в «Клятве русского врача» наблюдается та же картина: *«Клянусь... хранить благодарность и уважение к своим учителям»*. Наиболее высокая связь между учеником и учителем прослеживается в «Клятве Гиппократата»: *«Клянусь ... считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями. Это искусство, если они захотят изучать его, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщить своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам...»* [4]. Так, в данном тексте учитель приравнивается к родителю, дети наставника – к своим собственным детям. Ценность учителя есть во всех текстах, но в «Клятве Гиппократата» она особенно важна. Нам кажется, что это объясняется социально-историческими факторами. Если раньше врач выбирал несколько учеников, передавал им свои знания, при этом образовывались особые тесные отношения между учеником и учителем, связанных священным искусством врачевания, то с возникновением в 18 веке первых госпитальных школ, эта «особая, тайная, священная» связь исчезла. Преподаватель с трибуны зачитывал лекции группе учеников, целому курсу, затем это всё переросло не в «тайное искусство врачевания», а обычную профессию врача.

Таким образом, мы можем сказать, что тексты клятв медицинского дискурса имеют свои дискурсивные и когнитивные особенности.

К дискурсивным особенностям мы можем отнести:

- 1) Соответствие «Анжете модели речевого жанра» Т.В. Шмелёвой;
- 2) Одинаковая композиция;

- 3) Наличие обязательной лексики «клянусь»;
- 4) Интердискурсивность.

К когнитивным особенностям можно отнести одинаковые концепты, вербально и невербально реализующиеся в текстах: тайна, долг, уважение, справедливость, учитель.

Мы приходим к выводу, что клятвы самостоятельны в цепи речевого общения, обладают своей спецификой, репрезентативны.

Библиография

1. Вежицкая А. Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. М., 2007 – 320с.
2. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С.115-124
3. Женевская декларация – [Электронный ресурс]– <http://rh-conflict.narod.ru\\library\\klyat.htm> (дата обращения: 13.04.2016).
4. Клятва Гиппократа - [Электронный ресурс] – <http://rh-conflict.narod.ru/library/klyat.htm> (дата обращения: 13.04.2016).
5. Клятва медицинской сестры - [Электронный ресурс] – http://yamedsestra.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=121&temid=44 (дата обращения: 13.04.2016).
6. Клятва российского врача - [Электронный ресурс] – <http://www.medpravo.ru/Ethics/VowRDoctor.htm> (дата обращения: 15.04.2016).
7. Кремшокалова М. Ч. Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка). – Нальчик, 2015.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века: сб.ст.- М.: Изд. Центр РГГУ, 1995. – С.144-238.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. Ярцевой В. Н. «Советская энциклопедия», М., 1990. – [Электронный ресурс] – <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 20. 03. 2018).
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, 2016.
11. Сборник народной мудрости. – [Электронный ресурс] - <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-pro-uvazhenie/> - (дата обращения: 18. 02. 2021).

References

1. Vezhbiczkaya A. Antologiya rechevy`x zhanrov: Povsednevnyaya kommunikaciya. M., 2007 – 320s.
2. Vorkachev S.G. Bezrazlichie kak e`tnosemanticheskaya xarakteristika lichnosti: opy`t sopostavitel`noj paremiologii // VYa. 1997. № 4. S.115-124
3. Zhenevskaya deklaraciya – [E`lektronny`j resurs]– <http://rh-conflict.narod.ru/library/klyat.htm> (data obrashheniya: 13.04.2016).
4. Klyatva Gippokrata - [E`lektronny`j resurs] – <http://rh-conflict.narod.ru/library/klyat.htm> (data obrashheniya: 13.04.2016).
5. Klyatva medicinskoj sestry` - [E`lektronny`j resurs] – http://yamedsestra.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=121&temid=44 (data obrashheniya: 13.04.2016).
6. Klyatva rossijskogo vracha - [E`lektronny`j resurs] – <http://www.medpravo.ru/Ethics/VowRDoctor.htm> (data obrashheniya: 15.04.2016).
7. Kremshokalova M. Ch. Kognitivno-diskursivnaya paradigma blagopozhelanij i proklyatij kak maly`x zhanrov ustnoj rechi (na materiale kabardino-cherkesskogo yazy`ka). – Nal`chik, 2015.
8. Kubryakova E.S. E`volyuciya lingvisticheskix idej vo vtoroj polovine XX veka // Yazy`k i nauka koncza XX veka: sb.st.- M.: Izd. Centr RGGU, 1995. – S.144-238.
9. Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`. Pod red. Yarcevoj V. N. «Sovetskaya e`nciklopediya», M., 1990. – [E`lektronny`j resurs] – <http://tapemark.narod.ru/les/> (data obrashheniya: 20. 03. 2018).
10. Ozhegov S.I. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. – M.: Mir i obrazovanie, 2016.
11. Sbornik narodnoj mudrosti – [Jelektronnyj resurs] – <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-uvazhenie/> - (data obrashhenija: 18. 02. 2021).

Теппеева Д.Р.

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М.Бербекова, г. Нальчик
E-mail: jamilya244@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию некоторых лингвостилистических особенностей русских народных песен. Признавая большое значение аутентичных композиций в современном мире, их следует рассматривать как особую, национально обусловленную картину жизни, а также кладезь народных знаний. В песенных текстах лингвокультурная информация представлена в высокохудожественной форме, что достигается путем использования в них некоторого комплекса художественных образных средств языка. К ним относятся фонетические средства выразительности (аллитерация, ассонанс), лексические (различные виды тропов: эпитет, метафора, олицетворение, лексический повтор, символ), а также синтаксические (инверсия, синтаксический параллелизм).

Ключевые слова: *лингвостилистика, русская народная песня, тропы, синтаксис, лексика.*

Теппеева D.R.

Kabardino-Balkarian State University
named after Kh.M. Berbekov, Nalchik
E-mail: jamilya244@mail.ru

LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF A RUSSIAN FOLK SONG

Abstract: The article is devoted to the study of some linguostylistic features of Russian folk songs. Recognizing the great importance of authentic compositions in the modern world, they should be considered as a special, nationally determined picture of life, as well as a storehouse of folk knowledge. Linguocultural information is presented in song texts in a highly artistic form, which is

achieved by using a certain complex of artistic figurative means of language. These include phonetic (alliteration, assonance), lexical (various types of tropes: epithet, metaphor, personification, lexical repetition, symbol) and syntactic (inversion, syntactic parallelism) means of expressiveness.

Key words: *linguostylistics, Russian folk song, tropes, syntax, vocabulary.*

Введение. В эпоху масштабного процесса глобализации, ведущей к всеобщей политической, экономической, а главное, культурной унификации, можно наблюдать планомерное угасание интереса к исконно национальным традициям и обычаям, отсутствие популярности устного народного творчества и, как следствие, замещение национальной аутентичной песни популярной музыкой, в особенности зарубежной. В современном глобализирующемся мире индивид не может развиваться в рамках узконационального пространства, в отрыве от полиязычного и поликультурного мира [1, с. 91].

Все большее проникновение западной культуры постепенно вытесняет из жизни русского общества исконные народные традиции, происходит некоторая подмена ценностей. Некоторых исследователей волнует тот факт, что «при отсутствии приобщения населения к самобытным образцам народно-песенной традиции, традиционного жизненного уклада и социальных отношений (или хотя бы ознакомления с ними), «новизна» получает широкое распространение и действует разрушительно, поскольку уничтожение фольклорной традиции ведёт к потере преемственности духовной связи поколений» [5, с.81].

Тем не менее, следует отметить, что основу современной русской песни так или иначе образуют исконно национальные мотивы. В ее основе по сей день лежат интересный текст – история (лирического, исторического, шуточного и т.д. характера), а также легко запоминающаяся мелодическая составляющая. Существует принципиальная разница в музыкальном стиле и подаче зарубежной и русской песни. Можно предположить, что это предопределяется особым национальным генетическим кодом, имплицитно «не дающим» выйти далеко за рамки аутентичного самосознания. Интересным представляется следующий, наиболее большой парадокс фольклора: несмотря

на всеобщую выраженную интенцию считать его результатом сознательной деятельности, бессознательность его изначальных установок более чем очевидна.

Русское народное творчество, будь то песенное, стихотворное или танцевальное, является настоящей кладью народной мудрости. Обладая широким спектром действия на сознание человека, фольклор импринтирует в сознание людей ряд проникновенных прозрений и ценных открытий. Многие исследователи русского фольклора в своих работах отмечают, что русская народная песня берет свое начало в самых глубинах сердца. Так, согласно точке зрения известного русского философа и публициста И.А.Ильина, если заглянуть в душу русского человека, то возникает отчётливое ощущение, что в ней слышится «внутреннее безмолвно звучащее “пение”, мелодичное и ритмичное» [7, с. 389].

Являясь особой музыкально – поэтической рефлексией быта, традиций и истории в целом, народная песня транслирует обширные знания в широкие массы. Как справедливо отмечает Ю.А. Толмачев, «песня всегда включена в некую устойчивую, традиционную систему и составляет с нею единое целое; вне этой системы она не может ни существовать, ни возникнуть» [12, с.22]. Заметим, что определенная среда способствует возникновению новых элементов народной песенной культуры, отличающихся от своих изначальных аутентичных образцов: так называемых «культурных паттернов». Несмотря на то, что общие фольклорные традиции эволюционируют, в некоторой степени трансформируются и дополняются вместе с соответствующим изменением условий жизни, а новые формы фольклора совершенствуют и обогащают старые, «корень», исходный смысл народного творчества остаётся неизменным. Богатый потенциал русской народной песни говорит о нравственном законе, традиционных устоях, правилах жизни, а также о лучших качествах человеческого сердца.

Признавая огромное значение русской народной песни, ее следует рассматривать непосредственно как общий взгляд народа на свою жизнь в диахроническом аспекте, образно выражаясь, это особая, национально обусловленная картина жизни, внутренняя история, изустно передаваемая самим народом на протяжении многих веков. Песни представляют собой уникальный ресурс аутентичной информации, отличающийся особой выразительностью и так называемой легкоусвояемостью, достигаемой благодаря наличию в композициях различных стилистических фигур.

Народ, как искусный художник слова, создавая свое произведение (в данном случае песню), стремится при помощи различных фонетических, лексических, синтаксических стилистических средств создать образно красочную картину, воссоздать событие, оказать определенное воздействие на слушателя и вызвать тем самым искренний отклик. С этой целью и используются фигуры художественной речи.

Все вышеизложенное определяет **актуальность** темы настоящей работы, **целью** которой является комплексное исследование лингвостилистических особенностей русских народных песен.

Поставленная цель конкретизирована в следующих **задачах**:

1. Определить специфику восприятия русского народного песенного текста как креолизованного;
2. Установить наиболее релевантные для такого типа текстов лингвостилистические признаки.

Новизна подхода заключается в определении лингвистически релевантных признаков русского народного песенного текста как особого вида текста.

Материалом исследования послужили тексты русских народных лирических и исторических песен.

В качестве базового **метода исследования** нами избран метод теоретического анализа и обобщения данных литературы, посвящённой

исследованию народного песенного дискурса и фольклору в целом, а также описательный и интерпретационный анализ.

Основная часть. Русская песня во все времена отличалась своеобразием, богатым смыслом и содержанием, что придавало ей особую эстетическую наполненность. Ввиду того, что она является продуктом креолизованным, т.е. содержащим в себе и музыкальный и вербальный компоненты, особая гармония в песне достигается не только путём удачного сочетания аккордов, но и стилистически правильно организованным сочетанием звуков. Одним из таких приемов является древнейший стилистический приём – аллитерация (повтор одинаковых или созвучных согласных), придающая особую рельефность тексту, например (подчёркнутые буквы передают один и тот же согласный звук): *Ой ди, ой ди дюшеньки, шедкова трава [10, с.278]; Как не кулик по болотам куликает, то князь Голицын по лугам гуляет [8, с.20]; Не куличенька в болоте кули-куликает [Там же, с. 24]; Да камешком кладены, Камешком кладены, Клали да выкладали [Там же, с.30]. Интересно, что в некоторых случаях повторяется не один звук, а сочетание: *Про все размышляет: Где б пройти ему, проехать [Там же, с.20]. Как мы видим, аллитерация как один из методов звуковой организации речи создает яркие фонетические эффекты в фольклорном тексте, что усиливает его образность и создаёт большое впечатление у слушателя от песенной композиции. Лексемы, связанные аллитерацией, при произношении особенно выделяются в речевом потоке и получают особую звуковую и интонационную значимость.**

Несмотря на то, что за непосредственно музыкальный аспект песни отвечает именно мелодический компонент, такой приём, как ассонанс (повтор однородных гласных звуков) также придаёт композиции особую благозвучность: *Что не белая березынька к земле клонится [Там же, с.178]; Только шли-то, прошли удалы казаченьки [10, с.90]; Был и выкуп бы и выручка, своя волюшка [Там же, с.140]; Посею лебеду на берегу [Там же, с.254]; На что по лугу гулять, Мураву траву топтать [11, с.11]. Как известно, термин*

«ассонанс» французского происхождения (фр. *assonance*). Буквально «ассонанс» означает «созвучие». Исходя из этого, можно сделать правильное предположение о том, что в преимущественном большинстве случаев ассонанс встречается в поэтических текстах.

Следует отметить, что песенные тексты по своей сути являются стихотворными, однако следует принимать во внимание тот факт, что данные тексты нельзя относить непосредственно к истинной поэзии, в связи с чем их фонетические особенности, без сомнения, будут иметь особый, специфический характер. Как справедливо отмечает Д. Лич, «что конкретно имеет в виду человек, говоря, что определённое стихотворное произведение мелодично, плохо поддаётся анализу. Но, скорее всего, важную роль в этом играют такие явления, как аллитерация, ассонанс и так далее» [13, с. 93].

В текстах русских народных песен иногда встречается такая стилистическая фигура, как паронимическая аттракция (рядом в тексте оказываются слова, близкие по звучанию, но не связанные семантически): *Любимую свою песенку шибко-громко просвистал* [Там же, с.233]; *Он проулками, переулками в город проезжает* [8, с.24]; *А нонче зелен сад присох-приблек, Присох-приблек, к земле прилег* [Там же, с.38]. Звуковое сходство выражений способствует лучшему запоминанию песенного текста и повышает эффективность его восприятия. В некоторых источниках паронимическая аттракция отождествляется с парономазией [9],[4]. В.П.Григорьев, известный советский и российский филолог, рассматривает паронимическую аттракцию как явление поэтического языка и допускает синонимизацию терминов «парономасия» и «паронимическая аттракция» в связи с тем, что терминологическая упорядоченность все еще не достигнута. И.Н.Кузнецова также не дифференцирует указанные термины и детерминирует паронимическую аттракцию (парономазию) как семантическое уподобление сходных по форме единиц [9].

Для трансляции своеобразной исполнительской характерности в певческой практике достаточно часто используют традиционные приемы и средства художественной выразительности, которые придают описываемым явлениям или событиям специфические черты, дают им более точную оценку. Художественное слово – многозначное, поэтому народ как автор песен создает яркие образы, виртуозно играя значениями и различными комбинациями слов, умело использует окружение лексемы в тексте. Главным инструментом автора является именно художественный потенциал слова. При создании художественного тропа лексема, как правило, употребляется в косвенном/переносном значении.

Тропы выделяют обороты и образы, базируются на обозначении слова (словосочетания) в переносном значении и употребляются в целях повышения экспрессии речи. И.Б. Голуб детерминирует тропы как слова, использованные в переносном значении для формирования образа. Тропы придают особую наглядность изображению тех или иных предметов или явлений; при этом обычные слова, выступая в качестве тропов, могут получить большую экспрессивную силу [3, с.318]. Наиболее распространенными видами тропов являются эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, гипербола.

Как известно, эпитет – это троп, представляющий собой как художественное, так и образное определение. Эпитет используют для характеристики, определения и пояснения свойства предмета или явления. Эпитет всегда сочетается с другим словом и переносит на него свои признаки. Данный троп очень часто используется в песенном дискурсе, в особенности фольклорном, ввиду того, что он создает яркие образы, так необходимые в процессе создания песни. В качестве эпитетов в песнях как правило используются прилагательные при определяемом существительном, а также наречия.

В статье «Из истории эпитета» [2] А.Н. Веселовский предлагает научную классификацию эпитетов, разделяя их по группам. К первой группе

исследователь относит так называемые тавтологические эпитеты, обновляющие нарицательное значение лексемы, раскрывающие его несколько поблекнувшую в сознании внутреннюю форму, например *«белый свет»*: *Вздумаю про милаго, – Не мил белый свет* [11, с. 101]; *Ко белу свету красная переставилась* [Там же, с. 79]; *На третьей день кацяли до бела свету* [Там же, с. 29]; *«красна девица»*: *Красна девица, душа! Сбереги мого коня* [Там же, с. 57]; *У колодезя у глыбокаго красна девица воду черпала* [Там же, с. 59]; *У нас на дворе-то зоря белый день, – Красна девица с терема идёт* [Там же]; *«красное солнце»*: *Ты взойди, взойди, солнце красное, Обогрей, солнце, добрых молодцев* [Там же, с. 78]; *Не теки, постой, солнце красное* [8, с. 255]; Хотя давно печет *солнце красное*, Что давно веют ветры буйные [Там же] и др. Следует подчеркнуть, что в некоторых случаях в тавтологических эпитетах могут наблюдаться различные оттенки. Так, например, главное слово иногда дается в уменьшительно-ласкательной форме: *«красное солнышко»*: *Родной батюшко нам – светел месац, Красно солнышко – родна матушка* [11, с.28]; *Весна красная, лето теплое, Обогреет тебя красно солнышко* [Там же, с. 101]; *«красная девушка»*: *Разоряла-то заводь душа красна девушка, Красна девушка Палагеюшка* [Там же, с. 100]; *Вот не спит-та, не спит раздуша Анюшка красна девушка* [8, с.263]; *По ночам гулять с красными девушками, С красными девушками со верейскими* [Там же, с. 80].

Ко второй группе исследователь относит пояснительные эпитеты, делающие акцент на каком-либо одном признаке. Данный признак либо сочетается с существительным в предмете, либо характеризует его по отношению к практической цели и идеальному совершенству, например, *«столы белодубовые»* – означает, *столы крепкие, устойчивые: Ты поставь-ко мне столики белодубовые* [Там же, с. 235]; *«добрый конь»* – значит конь хороший, верный, сильный, быстрый: *Наперед-та идет князь Мансуров, Под ним душечка, душа добрый конь* [Там же, с. 277]; *Ой да его коник, добрый конь*

служивьский во ногах стоит [10, с. 76]; *А второй мой товарищ – булатный нож; А как третий-то товарищ – то мой добрый конь* [Там же, с. 133].

В третью группу входят так называемые метафорические эпитеты. Эпитет-метафора, как, в принципе, и любая метафора, подразумевает намеренный перенос оттеняемого признака с одного из конкретных сравниваемых объектов на другой, например: «смертная/великая тоска», «сонный лес», «сладкая тишина» и др.: *И ой да во таком-то во нещастьице, В великой тоске* [11, с.43].

Можно заметить, что в народной песенной лирике доминирует тавтологический эпитет, являющийся постоянным и в некотором смысле наиболее традиционным. Такой вид тропа, как правило, тесно связан с определяемым словом. Так, «красный» практически неотделим от определяемого слова «девица» и образует с определяемым словом одно предложение «красная девица», что подразумевает не буквальный смысл обозначения цвета, а аутентичную поэтическую характеристику объекта. К постоянным (традиционным) эпитетам, часто встречающимся в народных песенных текстах, можно также причислить и такие, как «**море синее**», «**поле чистое**», «**снега белые**»: *Летел голубь через город на синее море* [Там же, с. 56]; *Я пойду-тко в чисто поле, Я по полюшку похожу* [Там же, с. 61]; *Что не белые-то снега забелелися, Не алые в саду маки заалелися* [8, с.51].

В народных песенных текстах также достаточно часто встречаются двойные эпитеты, например: «**бел-горючь камень**»: *Разнесите с небес снежки белые, Растолкните, ветры, бел-горючь камень* [6, с.148]; «**круты-красны берега**»: *Круты-красны берега, луга зеленые* [Там же, с.128]; «**млад-сизой орёл**»: *Как на кустике сидит птица, млад-сизой орёл* [8, с.48]. Присущи фольклорной песенной речи также эпитеты-приложения, например: «**Волга-матушка**»: *Возлелеяла Волга-матушка река* [10, с.59]; «**други-братцы**»: *Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдём* [6, с.93] и др. Заметим, что чаще всего эпитет встречается в краткой форме имён прилагательных: *А высоко изголовье-подворотка, А тёплое одеяло – буйны ветры* [10, с.369]; *А нам,*

разудалым казаченькам, со чиста поля домой [Там же, с.71]; *Охотнички свищут, черна бобра ищут* [Там же, с.201] и т.д. В целях придания фольклорной музыкальной композиции наибольшей поэтической выразительности, особого лиризма и эмоциональности эпитеты используются в инверсионном порядке, после существительных, например: «**очи ясные**»: Пригляделись *очи ясные* за Дунай-реку [10, с. 105].

Метафора, без сомнения, является наиболее частотным и значимым тропом для текстов русских народных песен, что не является удивительным. Она является одним из ведущих выразительных средств языка. Данный троп порождает емкие, яркие художественные образы, основанные обычно на креативных ассоциациях. Сущность метафоры заключается в полном осмыслении явлений одного типа в терминах явлений совершенно иного типа.

Из всего корпуса народных музыкальных композиций особенно выделяются лирические песни, ввиду наиболее частого присутствия в них выразительных средств, в особенности – метафор. Одной из самых популярных метафор, используемых в песнях, является «любовь – огонь», которая относится к так называемым глубинным, концептуальным метафорам. Данный образ входит в круг метафор, отображающих психоэмоциональное состояние индивида: различные типы эмоционального подъема, как правило, концептуализируются в языке как огонь, жар, общее повышение температуры тела в целом. В народных песнях данная метафора находит свою реализацию следующим образом: *Не огонь горит, не вода кипит, Что горит то сердце молодецкое, Кипит то сердце матросское* [11, с.80]. Эмоционально-чувственные метафоры составляют большой процент метафор, используемых в народном песенном творчестве. Особая значимость метафоры определяется по большей части тем, что она способна продемонстрировать то, на что не будет способна простая, прямая дескрипция, в частности, состояние души человека. Благодаря метафоре слушатель имеет возможность лучше понять смысл произведения, познакомиться с внутренним миром главного героя, узнать и

даже в некотором смысле «прожить» все чувства, которые он испытывает: *Мука злая, любовь с милым большая, не разлучит меня с ним никто* [Там же, с.101]; *Что повесил-то король свою буйную головушку* [Там же, с.124]; *Я спрошу дружка Ванюшу, что на сердечке лежит? – У меня-ли на сердечке камушек лежит* [Там же, с.121] и др.

Одним их видов метафоры является художественный прием олицетворения. Это древнейший стилистический прием, неразрывно связанный с формированием креативного, образного мышления человека и свойственный устному народному творчеству: *Ноем, ноет мое сердце, долго миленький нейдёт* [Там же]; *Породили горы один бел-горюч камень* [10, с.67]; *Что гнались-то, гнались за тем добрым молодцем ветры полевые. Что свистят-то, свистят в уши разудалому про его разбои* [Там же, с.138]; *Реченька шла, прошла, а я встала да пошла* [11, с.52].

Отметим, что особую задушевность народным песням придают обращения лирических героев к миру природы (к дубраве, цветам, полю чистому и т.д), а также его олицетворение. Обращения такого рода, как правило, даются в самом начале песни: *Ай да не шуми, шумка, Дуброва зеленая, Вот и не бушуйся, Ай да не мешай раздоброму молодцу вот мне думу думати* [Там же, с.153]. Имплицитные сопоставления человеческих переживаний с миром природы дают возможность более точно раскрывать внутренний мир человека. В обращениях к природе выражается трепетное отношение и глубокая любовь русского народа к своей родине.

Ключевым элементом для верного понимания значения и употребления ключевых слов является лексический повтор как средство художественной выразительности. Данный художественный прием также довольно часто используется в русских народных песнях: *До тех пор я провожала, Где скончалась любовь, Где скончалась, распрощалась* [Там же, с.103]. В приведенном примере лексический повтор, как мы видим, используется с целью акцентирования внимания на завершении романтических отношений,

откуда можно сделать вывод о том, что для лирической героини данный факт имеет немалое значение. Следует подчеркнуть, что лексический повтор также выполняет ритмообразующую функцию: *Да ни рожь, ни пшеница. Да ни рожь ли, ни рожь, ни пшеница* [10, с.93].

Традиционная русская народная песня часто оперирует большим количеством разнообразных символов. Так, например, символом молодца в ней являются голубь, соловей или селезень: *Он не голубь, не голубчик, удалой молодчик* [11, с.93]. В качестве символов девицы, в свою очередь, выступают голубка, белая лебедушка или серая утушка: *Ты подь, подь, невестка голубка, домой: Ой калина, ой малина* [Там же, с. 39]; *Ты невестка, невестушка, Сноха, белая лебёдушка* [Там же, с. 58]. Поэтический смысл использования символов заключается в том, что они, не обогащая содержания непосредственно самой песни, содействуют экспликации данного содержания в формате ярких запоминающихся образов, предоставляют возможность намного лучше раскрыть те или иные эмоции и чувства, придают народной композиции большую выразительность.

Для усиления выразительной функции народной песни используется также такой прием, как синтаксический параллелизм – сходное, параллельное построение фраз, строк: *Лужком князю ехать – грязно, Лесом ему ехать – страшно, Дорогою ему ехать – пыльно, Москвою ему ехать – стыдно* [8, с.28]; *А еще ты, государь-царь, с голубыми лентами, А еще ты, государь-царь, с разными полками* [Там же].

В процессе исследования русских народных песен было отмечено присутствие немалого количества инверсий, чья функция состоит обычно в выделении смысловой значимости: *Стоять будут казачушки* [10, с.147]; *Вы товарищи, Други любезные* [Там же, с. 144].

Выводы. Проведенный лингвостилистический анализ русских народных песенных текстов показал, что выразительность и особая эмоциональность фольклорных песен достигается путем яркой поэтической дескрипции чувств

героев и окружающей их действительности посредством некоторого комплекса художественных образных средств языка. К ним относятся фонетические средства выразительности (аллитерация, ассонанс), лексические (различные виды тропов: эпитет, метафора, олицетворение, лексический повтор, символ), а также синтаксические (инверсия, синтаксический параллелизм). Такой большой набор стилистических инструментов активизирует усилительно-акцентуализационную функцию народной песни и импринтирует в сознание слушателя некоторый набор аутентичных знаний и воззрений.

Библиография

1. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Специфика формирования языковой личности россиянина в поликультурном контексте // Научная мысль Кавказа, 2013. – № 4, – С.90-94.
2. Веселовский А.Н. Из истории эпитета. М.: Высшая школа, 1989. – 13 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 2001. – 441с.
4. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
5. Девятков В.С. Русская народная песня в сценических условиях и пути ее сохранности // Человек и культура. – 2019. – № 4. – С. 79 - 90.
6. Игнатов В.И. Русские исторические песни. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1985. – 223с.
7. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. (12-ти кн.) / сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993-1999. Т. 6. Кн. 2. – 672 с.
8. Исторические песни XVIII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. – 384с.
9. Кузнецова И.Н. Паронимическая аттракция как выразительное средство языка // Материалы Международной научной конференции «Дни франко-российских исследований». Сборник «Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы» / под ред. В.М. Амеличевой, Е.М. Белавиной. – М.: МГУ, 2013. – С. 77–90.
10. Лирические народные песни / вступ. статья, подг. текста, примеч. Е. Лопыревой. – Л.: Сов. писатель, 1955. – 440 с.
11. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Выпуск II, часть I. – М.: Московский университет, 1917. – 589 с.
12. Толмачев Ю. А. Народное музыкальное творчество: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 071301 «Народ. худож. Творчество» / Федер. агентство по образованию, Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – 150 с.

13. Leech G.N. A linguistic guide to English poetry. Longman Group Ltd, London, 1973. –240 p.

REFERENCES

1. Bashieva S.K., Dohova Z.R., Shogenova M.Ch. Specifika formirovanija jazykovej lichnosti rossijanina v polikul'turnom kontekste// Nauchnaja mysl' Kavkaza, 2013. – № 4, – S.90-94. [Bashieva S. K., Dokhova Z. R., Shogenova M. Ch. The specifics of the Russian linguistic personality formation in a multicultural context// Nauchnaja mysl' Kavkaza, 2013. – No. 4, – pp. 90-94.]
2. Veselovskij A.N. Iz istorii jepiteta. M.: Vysshaja shkola, 1989. – 13 s. [Veselovsky A. N. From the history of the epithet. M.: Higher School, 1989 – 13 p.]
3. Golub I.B. Stilistika russkogo jazyka. – M.: Rol'f, 2001. – 441s. [Golub I. B. Stylistics of the Russian language. –M.: Rolf, 2001.– 441 p.]
4. Grigor'ev V.P. Pojetika slova. – M.: Nauka, 1979. – 344 s. [Grigoriev V. P. Poetics of the word. - M.: Nauka, 1979. – 344 p.]
5. Devjatov V.S. Russkaja narodnaja pesnja v scenicheskikh uslovijah i puti ee sohrannosti // Chelovek i kul'tura. – 2019. – № 4. – S. 79 - 90. [Devyatov V. S. Russian folk song in stage conditions and ways of its preservation // Man and culture. –2019.–No.4.–P.79-90.]
6. Ignatov V.I. Russkie istoricheskie pesni. Hrestomatija. M.: Vysshaja shkola, 1985. – 223s. [Ignatov V. I. Russian historical songs. Textbook. M.: Vysshaja shkola, 1985 – 223p.]
7. Il'in I. A. Sobranie sochinenij: v 10-ti t. (12-ti kn.) / sost., vstupit. st. i komment. Ju. T. Lisicy. M.: Russkaja kniga, 1993-1999. T. 6. Kn. 2. – 672 s. [Ilyin I. A. Collected works: in 10 volumes (12 books) / comp., intro. art. and comment. Yu. T. Lisitsy. M.: Russkaja kniga, 1993-1999. Vol. 6. Book 2 – 672 p.]
8. Istoricheskie pesni XVIII veka. Izdanie podgotovili O. B. Alekseeva i L. I. Emel'janov. L.: Nauka, 1971. – 384s. [Historical songs of the XVIII century. The publication was prepared by O.B. Alekseeva and L. I. Yemelyanov. L.: Nauka, 1971 – 384p.]
9. Kuznecova I.N. Paronimicheskaja atrakcija kak vyrazitel'noe sredstvo jazyka // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Dni franko-rossijskih issledovanij». Sbornik «Rech' i teksty: tendencii, istoki, perspektivy» / pod red. V.M. Amelichevoj, E.M. Belavinoj. – M.: MGU, 2013. – S. 77–90. [Kuznetsova I. N. Paronymic attraction as an expressive means of language // Materials of the International Scientific Conference "Days of Franco-Russian studies". Collection "Speech and texts: trends, origins, prospects" / edited by V. M. Amelicheva, E. M. Belavina. – M.: MSU, 2013. – pp. 77-90.]

10. Liricheskie narodnye pesni / vstup. stat'ja, podg. teksta, primech. E. Lopyrevoj. – L.: Sov. pisatel', 1955. – 440 s. [Lyric folk songs / intro. article, text prep., note by E. Lopyreva – L.: Sov. pisatel', 1955 – 440 p.]
11. Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaja serija. Vypusk II, chast' I. – M.: Moskovskij universitet, 1917. – 589 s. [Songs collected by P.V. Kireevsky. New series. Issue II, part I. – M.: Moscow University, 1917. – 589 p.]
12. Tolmachev Ju. A. Narodnoe muzykal'noe tvorcestvo: ucheb. posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti 071301 «Narod. hudozh. Tvorcestvo»/ Feder. agentstvo po obrazovaniju, Tambov. gos. un-t im. G. R. Derzhavina. – Tambov: Izd-vo TGU, 2005. – 150 s. [Tolmachev Yu.A. Folk music creativity: a textbook for students studying in the specialty 071301 "Peop. artist. Creativity" / Fed. education agency, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. – Tambov: TSU Publishing House, 2005. – 150 p.]
13. Leech G.N. A linguistic guide to English poetry. Longman Group Ltd, London, 1973. –240 p.

УДК 82

Гончарова Е.А.,

Дагестанский государственный университет, Махачкала.

elena.solnce2013@yandex.ru

Мазанаев Ш.А., д.ф.н., профессор

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

philol@mail.ru

Гаджалова Г.Р.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала.

galima.94@mail.ru

ЯЗЫК ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОЗЕ АЛИСЫ ГАНИЕВОЙ

Аннотация: Литературный деятель и критик Алиса Ганиева получила известность как писатель в 2009 году, когда на литературном конкурсе «Дебют» объявили, что

нашумевшая повесть «Салам тебе, Далгат» вышла из-под пера девушки-критика, а не юноши-писателя из дагестанской глубинки.

Сегодня Алиса Ганиева – автор нескольких романов, основная тема которых – жизнь на Кавказе и кавказские реалии. В этом ключе интересен и язык произведений автора.

Алиса Ганиева – родилась и выросла в Дагестане, но творит исключительно на языке русском. При этом ее романы изобилуют национальными терминами и названиями, экзотизмами и сленговой лексикой.

Ключевые слова: лексика, среда, Дагестан, Кавказ, языковая картина мира, двуязычие, нация.

Goncharova E.A.,

Dagestanskij gosudarstvennyj universitet, Mahachkala.

elena.solnce2013@yandex.ru

Mazanaev SH.A., d.f.n., professor,

Dagestanskij gosudarstvennyj universitet, g. Mahachkala.

philol@mail.ru

Gadzhalova G.R.

Dagestanskij gosudarstvennyj universitet, g. Mahachkala.

galima.94@mail.ru

YAZYK PERSONAZHEJ V PROZE ALISY GANIEVOJ

Annotation: Literary figure and critic Alisa Ganieva gained fame as a writer in 2009, when it was announced at the Debut literary competition that the sensational story "Salam to you, Dalgat" came from the pen of a female critic, not a young writer from the Dagestan outback.

Today Alisa Ganieva is the author of several novels, the main theme of which is life in the Caucasus and Caucasian realities. In this vein, the language of the author's works is also interesting.

Alisa Ganieva was born and raised in Dagestan, but works exclusively in Russian. At the same time, her novels are replete with national terms and names, exoticisms and slang vocabulary.

Key words: *vocabulary, environment, Dagestan, Caucasus, linguistic picture of the world, bilingualism, nation.*

Композиционной основой развития действия и повествования у Алисы Ганиевой является речь персонажей, диалоги и выступления многочисленных

героев. Герои романов, повестей и рассказов автора постоянно куда-то идут и с кем-то непременно беседуют.

Повествовательная структура прозы А. Ганиевой основана на **диалогах**. Зачастую это связано с необходимостью отразить материальную культуру местных народов, особенности быта и нравов, включаются описательные фрагменты.

Интересны диалоги женщин в романе «Жених и невеста». Такие сцены общения сводятся к обсуждению деталей свадеб или же самих невест. Например, мать главного героя Марата, зачитывая составленный ею список потенциальных невест, комментирует: «главное, чтобы с совестью была», «...на вкус ее посмотрю. Если крупные цацки выберет, которые на три километра блестят, мы, может, отворот-поворот сделаем. Зачем с цыганской дурой связываться?» [Ганиева 2015: 56]. Говоря о другой девушке, женщина отмечает ее родословную и успехи: «Отец – военный, мама – кардиолог, дедушка директором театра был... Золотая девочка! Медицинский на красный диплом закончила». [Ганиева 2015: 56]. Еще одна претендентка «ну прямо тростиночка», «в детстве в ансамбле танцевала, а сейчас вроде бы на экономиста учится», «меня узнала – давай обнимать, целовать, хотя я ее только в детстве видела. Вот это я называю – хороший характер». Следующая на очереди девушка была «...молодая специалистка, активистка, секретарь... деловая такая, подвижная, не пропадет». А вот девушку, о которой «во дворе нехорошо отзывались» женщина не стала даже включать в свой список. [Ганиева 2015: 56].

Авторского повествования в повестях, по сравнению с диалогами и описаниями, мало, особенно в первой повести.

Первая художественная работа Алисы Ганиевой «Салам тебе, Далгат», увидевшая свет под псевдонимом Гулла Хирачев, наполнена колоритными диалогами и фразами. Все это, как считает автор, иллюстрирует жизнь в Дагестане в 2009 году.

В своем недавнем интервью женскому изданию «Burning hut» Алиса Ганиева призналась, что на момент написания повести, считала правильным сделать главным героем мужчину, вложить в его уста и уста его окружения живую, характерную для того времени речь.

«Это был наиболее правдоподобный способ подачи материала, поскольку, к сожалению, на Кавказе права женщин всё ещё гораздо ограниченнее, чем в других регионах. Сейчас ситуация постепенно меняется, но тогда героиня-женщина не могла бы спокойно перемещаться по улицам. Её уделом была узкая колея кухонь, дворов, базаров и кафешек, где можно появляться в дневное время и желательно только в кругу родственников» [Ганиева 2021].

На страницы ее романа «Праздничная гора», вышедшего в 2012 году, описывается общественно-политическая обстановка 90-2000-х, где все в брожении и хаосе. В этот хаос и врывается пестрая и шумная толпа говорящих людей – людей мыслящих на разных дагестанских языках и стремящихся к лучшей жизни и переменам.

В романе создается своеобразное многоголосие, полифония, передающая множество точек зрения: голоса представителей власти, салафитов, ваххабитов, писателей и поэтов, светских барышень из салонов и домохозяек, городской молодежи и прочих.

Содержание их диалогов сосредоточено не только на личных взаимоотношениях героев, но и на актуальных проблемах республики описываемого периода: террористическое подполье, национальные движения, коррупция, взяточничество, воровство, выборы депутатов.

Например, во второй части романа «Праздничная гора» главный герой попадает на собрание журналистов в городской редакции. Там, согласно сюжету, сотрудники редакции, люди бизнеса и науки, а также пара депутатов из Народного собрания. Приведем слова одного из говоривших.

«Как откуда, слушай?! У меня самые верные сведения. Я с Москвой каждую минуту переговоры делаю. Кавказ – это оплот России в борьбе с терроризмом, это буфер, слушай, это демографический кладезь! Какой еще вал? Ваши интернеты-минтернеты разве правду скажут?» [Ганиева 2012: 21].

В речь говорящего автор, на наш взгляд, намеренно вкладывает фразы, отражающие акцент человека, слова с ошибками и стилистические погрешности.

В другом диалоге – эпизод разговора соседок на кухне мы слышим следующее: «– А у нас всегда всюду бардак, – запротестовала Марья Васильевна. – А в школе что творится! Скажи, Патя. Если бы не я, во что бы превратилось учреждение? А у меня бардак не пройдет... – Ты слышишь, Патя? Этот депутат Махмудов одну жену держит на Седова, а другую на Титова. Живут, бедные, рядышком, ничего друг о друге не знают. А недавно его с молодой видели в «Буревестнике». Ну дает!» [Ганиева 2012: 35].

Слова «слышишь», «скажи» и другие употребляются героями романа как бы для эффекта усиления.

Речь персонажей в прозе А. Ганиевой яркая, экспрессивная, отражает особенности бурного темперамента дагестанцев, их национального характера. Алиса Ганиева довольно реалистично передает язык, менталитет, нравы и быт дагестанцев. Каждая молодежная группа, в зависимости от среды, культуры, интересов, использует свои слова, говорит на своем жаргоне, спортсмены, религиозная молодежь, модные девицы и т.д.

Вот, например слова религиозно настроенной героини Мадины «– Из-за таких, как ты, я не могу жить честно, как завещал Пророк, я не могу одеваться, как я хочу. Ладно родители, им голову давно задурили, а ты молодой, ты должен делать все, чтобы бороться против мунафиков и всех этих куфрхранителей. Субханалла сейчас все изменится. Все предатели будут наказаны. Пока не поздно, пока тебя свои же братья не изловили...» [Ганиева 2012: 52].

Перемещаясь по городу герой романа встречает представителей самых разных профессий, речь которых, соответственно, тоже различна.

Например в спортзале мы услышим вот такое:

« – Сегодня Нариман Карима на микс-файте грамотно рихтанул! – начал взхлеб Арсен. – На пятибаллку кинул! Смотри, смотри! Гаджик, иди сюда, давай покажем! [Ганиева 2012: 65].

Речь же городских жителей, интеллигентов правильная – такие речи мы слышим из уст выступающих на митингах представителей национальных движений, в речи образованной части светской молодежи.

Так звучит часть выступления на аварском митинге: «– Те люди, которые хотят разделить Россию и Кавказ, сеют панику! – кричал, размахивая руками, какой-то белобрый человек. – Это все из-за новых сил, которые пришли к власти в Москве. Но мы должны сохранять дружбу!». [Ганиева 2012: 34].

Речь сельских жителей, поскольку они говорят в основном на своих родных языках, иногда искаженная, неправильная, с речевыми ошибками:

В рассказе «Шайтан» передается речь сельских горцев, без исправления, они неграмотно говорят по-русски, лексика бедная, однообразный синтаксис: «Это редактор из ихней газеты делал, родственник бежтинца. Они там что-то не поделили, и бежтинец газету закрыл. А редактор начал хипиш делать, митинги делать, на видео их снимать». [Ганиева 2010: 17-18].

Для речевой стихии произведений Алисы Ганиевой характерно своеобразное многоголосие: торговки на рынке, братья-мусульмане, гопники, чиновники от литературы – каждый говорит своим языком. И в то же время мы явно видим наличие общедагестанского сленга на основе несколько деформированного, искаженного русского языка.

Дагестанский молодежный сленг представляет собой некий языковой сплав, свободный от правил и норм русского языка, смешанный с неологизмами, экспрессивной лексикой и словами из национальных языков:

аварского, даргинского, лезгинского, табасаранского и т.д. и даже арабского. Это своего рода молодежный диалект.

Дагестанский сленг – это средство самовыражения дагестанской молодежи. Сленг выполняет экспрессивную функцию, помогает выразить свои эмоции, это также способ зашифровки речи, подчеркнуть свою принадлежность к особой группе «посвященных»: «Толкнул нормально. Взгрел преподав от души. Последний экзамен сдавал, уже на голяках сидел. Платить не по кайфу было. Думал, отец с Исаевым, с преподам моим, в деснах. Без капухи разберутся. А Исаев такой черт оказался! Без копейки не может. – А на движения не упал еще? – Одна соска есть, – самодовольно протянул Арсен» [Ганиева 2012: 59].

Сленгу, как и общелитературному языку, присуще переосмысление основного словарного значения слова, изменение грамматической формы слова, использование заимствований из других языков.

Основой сленгового языка персонажей в прозе Алисы Ганиевой являются:

сленговая лексика:

беспредел, хипиш, закрылась, махаться, пацаны, выстегну, поломать, потерять, суета, беспонтово, лесные, кружишь, Движуха.

сленговые устойчивые выражения:

«нормально делай нормально будет», «пацан сказал – пацан сделал», «ай саул», «по братски, на движениях», «Вах», – сказал Ленин, и все подумали, что он даг», «же есть же», «че ты, как ты», «умняки кидать», «не обессудь», «капитальный красавчик».

Такие слова и устойчивые выражения вкладывались автором в основном в речь молодых людей. В разговорах более старшего поколения можно услышать лишь некоторые из них, такие как «вах», «слушай», а также заметить привычку растягивать слова, например «кошма-а-ар».

Колорит экспрессивной махачкалинской речи с его особой лексикой намеренно сгущен с сатирической, юмористической целью, речь местных парней утрируется, практически вся она соткана из сленга: «*Ле*, Мурад, салам! Это Мага. Че ты, как ты? Папа-мама, брат-сеструха? Я че звоню, этот черт, жесть, который Исашки брат! Махаться хочет! Ты сейчас где? Давай, да, подъезжай на Двадцать шесть, кувыркнем их. Я его выстегну! Братуху тоже позови и Шапишку. Пусть приходят. Давай, саул тебе! На связи тогда!» [Ганиева 2010: 47].

В повествование вводятся разные виды «вставных текстов», образцы «чужого слова»: рассказ лезгинского писателя в Далгате, роман о борьбе с пережитками, который читает Шамиль (судя по сюжету и проблематике, очевидно, роман Фазу Алиевой), статья журналиста Шамиля в Праздничной горе, устные публицистические по стилю выступления ораторов на митинге (подробно описаны митинги кумыков и лезгин):

«– Нас пытаются выдавить на вторые роли! А кто первый с Россией мир заключил? Кумыки. Кто больше всех страдал в годы Гражданской войны? Кумыки. Кто в Дагестане отдал больше всего своих сыновей в Великую Отечественную войну? Кумыки. Кто первый поднимал сельское хозяйство? Кумыки. А что сейчас мы имеем? У нас забрали наши исконные исторические земли. Мы потеряли почти все свои уголья! На базарах есть хоть один кумык? Нет. Видите наши народные промыслы? Нет. Мы на это глаза закрыли, потому что мы – мудрый народ. Но дальше терпеть тоже нельзя, слушай!» [Ганиева 2012: 32].

В речи героев и в авторской речи широко используются **экзотизмы** – разновидность варваризмов, слова которые обозначают реалии чужой (в данном случае для носителей русского языка) культуры.

Широкое использование экзотизмов диктует необходимость множества примечаний к произведениям Ганиевой. Все такие экзотизмы в повестях Алисы

Ганиевой сопровождаются комментариями, где дается толкование этих слов и понятий.

Например, слово «Устаз» сопровождается толкованием: «Учитель тариката, учения популярного среди суфиев Дагестана. Тарикат проповедует путь духовного очищения и возвышения зачастую через аскетизм, отшельничество и мистические практики».

Слово «чохто» толкуется так: «Национальный дагестанский женский головной убор. Сейчас чохто носят только редкие пожилые горянки».

Слово «джамаат» (сообщество, коллектив), как сказано в комментарии, сейчас получило дополнительное значение: «боевые салафитские группы, действующие на территории Северного Кавказа».

Годекан – место мужского сбора в дагестанских горных населенных пунктах. Изначально выполняло парламентские функции.

Лешка – в Дагестане – некультурная и необразованная девушка.

Особое место среди экзотизмов занимает религиозная лексика, которая в прозе Ганиевой, в речи ее персонажей, использована очень широко: суры, джинны, Коран, Кибла, хадисы, иман, Аллау акбар, Пророк, сунна, харам, бисмиля, муртады.

Такая лексика выполняет характерологическую функцию, то есть характеризует прежде всего носителя речи, его мировоззрение, верования, менталитет. В целом она способствует воссозданию местного колорита Дагестана, правдиво отражает реалии последних десятилетий в жизни народов республики, где в начале нулевых происходил процесс усиления влияния религии в обществе – пришла мода на исламский образ жизни, и даже у людей, не обладающих глубокой верой, стало модным использовать в своей речи слова религиозной окраски – иншаалла, и другие.

Соответственно, даже люди светские, далекие от религии, в общении с такими «соблюдающими мусульманами» чувствуют себя некомфортно, если не употребляют хоть изредка такого рода лексику: шариат, джамаат, азан,

намаз, ураза, садака, наджас, машалла, «Лаиллаһаиллалаһ», фетвы, харам, хадж, устаз, шейх, тарикат, Астаупирулла, Субханаллах, куф, мечеть, имам, умма, фитна, нифак, имамат, салафиты, суфии, зиярат, шайтаны, зикр, аят, дуа, Ахирзаман, сабур, беда, вах (ваххабит) Судный день, муртады, хадж, черный камень, аяты, в священный месяц Рамазан, джихад.

Наличие в повести «Праздничная гора» общественно-исторической проблематики, описания национальных движений 90-х годов в республике позволяет автору включить историзмы: «где твои ханства, уцмийства, шамхальства, вольные общества». [Ганиева 2012: 56].

В Дагестане сформировался свой русский язык, свой сленг, включающий в себя, кроме молодежного жаргона, общедагестанскую лексику, которую понимают представители всех народностей: салам, А-а-ассаламу алайкум, ле, ама-а-ан, гъарай-гъурай, вахИи, ай-уй, вай, вая, саул, баркалла, маймун, хабары, магъар, тухумы, м аслиат, никях, дерхаб!, золотоузорные казы.

Лексика аварского языка, которая в силу тесного общения, тоже понимается всеми (мунахIал чураяв, хIапур-чапур, васав, къахIбы, чIанда, ясай, хIайван сахльи), других языков – Тенглик (кум.), Цапы, Сагърай, яда, Садвал, Сагърай (лезг).

Все эти языковые пласты выполняют правоописательную, характерологическую функции, служат отражению местного колорита.

Местный колорит (*couleur locale*) в русской литературе – это завоевание романтизма, унаследованное затем реализмом. Именно романтики в 1820-40-е годы впервые стали собирать кавказский, в том числе дагестанский фольклор и фольклор других народов России. Русская романтическая литература и параллельно романтическая критика культивировали принцип народности который они понимали как «отпечаток народности и местности».

Романтики создавали культ национального прошлого, старины, фольклора, русские романтики обратились к собственному национальному прошлому, к культурам других народов, населяющих Россию. Пушкин, Лермонтов и другие русские романтики широко включали в свои поэмы народные (или стилизованные под народные) песни: Черкесская песня в «Кавказском пленнике», «Татарская песня» в «Бахчисарайском фонтане». Поэты гражданского течения, декабристы, призывали обратиться к изучению национальных особенностей (нравов и обычаев) народов, населяющих Россию. Они выдвигали задачу художественного освоения их преданий, мифологий.

После романтиков принцип соблюдения местного колорита был взят на вооружение реалистами. Дагестанский национальный колорит в своих кавказских произведениях ярко и выразительно передали Лермонтов в «Бэле», Лев Толстой в «Хаджи-Мурате» и другие.

Лексический состав прозы Ганиевой состоит из разнообразных лексико-семантических групп:

Этнонимы – названия народностей: ахвахи, чамалальки, аварцы, кумыки, лезгины, даргинцы и др.

Топонимы (многие из этих названий обозначают дагестанские достопримечательности, памятники культуры и истории) и их разновидности:

Ойконимы – Изберг, Буйнакск, Мамедкала, Рубас, Гюргенчай, Хамейду, Мамедкала, Дербент, Дагбары, Куруш, Докузапаы, Хучни, «Крепости Семи братьев», пещера Дюрк, Тарки, Анжи, Кизляр, Гуниб, Манасаул.

Оронимы (названия гор): Шалбуздаг, Акаро, Базардюзю-Кичендаг, Рохел-меэр.

Гидронимы (названия рек и озер): Зама-Зам, Самур, Койсу и др. Ансадирил-Тлар, Гакко, Джурмут, Мотмота, Кила, Андийка».

Онимы – собственные имена людей. В повести «Салам тебе, Далгат» есть такие имена – Далгат, Халилбек, Ибрагим - Ибрашка, Хаджик, Силви, Русик, Исрапил, Ахмед, Камал, Амина, Камиль, Яраги, Арип, Джамалудин, Осман,

Наида, Магомед, Гюль-Бике, Айдемир, Залбег, Патимат. В романе «Праздничная гора» – Дикий Мага, Газик, Арсен, Шамиль – Шома, Арсен – Арсенчик, Арип, Нариман, Рашик, Ахмад, Арип, Махмуд, Фарида, Ася, Махди, Мурад, Аида, Сераж, Шарапудн, Кусюм. Роман «Жених и невеста» пестрит такими именами – Патимат, Марат, Ринат, Русик, Халилбек, Адик, Мирзик, Асельдер, Зарема, Юсуп, Амишка, Аида, Зарипат, Сабрина,

Реалии дагестанской жизни, где много уделяется внимания спорту, передает **спортивная** лексика в речи персонажей: маты, трико, качалка, турнир, солнце, склепка, рихтанул, бицуха, микс-файт.

Колорит экспрессивной махачкалинской речи с ее особой лексикой намеренно сгущен с сатирической, юмористической целью, речь местных парней утрируется, практически вся она соткана из сленга: «*Ле*, Мурад, салам! Это Мага. Че ты, как ты? Папа-мама, брат-сеструха? Я че звоню, этот черт, жесть, который Исашки брат! Махаться хочет! Ты сейчас где? Давай, да, подъезжай на Двадцать шесть, кувыркнем их. Я его выстегну! Братуху тоже позови и Шапишку. Пусть приходят. Давай, саул тебе! На связи тогда!» [Ганиева 2010: 32].

Кроме типичной лексики (беспредел, хипиш, закрылась, махаться, пацаны, выстегну, поломать, потерять, суета), местный колорит усиливают устойчивые выражения: «нормально делай нормально будет», Пацан сказал – пацан сделал, ай саул, по братски, на движениях, «Вах», – сказал Ленин, и все подумали, что он даг, че ты, как ты, умняки кидать, Суету не наводи, не обострай, что стало.

Романы Алисы Ганиевой по-новому открыли Дагестан для русского читателя. Привыкшие к романтизированным произведениям классиков русской литературы о кавказской республике и исконно дагестанских авторов, где горный край, в большинстве своем, воспевается, смогли посмотреть на него свежим, молодежным взглядом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Айдарова, В.Н.* :Текстологическая работа А.И.:Куприна // :Русская речь. № 1. 1980. С. 56–63.
2. *Арутюнов, Л., Эльсберг, Я.* О некоторых путях изучения проблемы национального и интернационального в литературе и искусстве // Национальное и интернациональное в литературе, фольклоре и языке. – Кишинев: Штиинца, – 1972. – 360 с.
3. *Богоякова, А.П.* Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: На материале ядра языкового сознания: дис. . канд. филол. наук / Богояркова Аяна Павловна – М., 2002. – 181 с.
4. *Ганиева, А.А.* Жених и невеста: роман // Алиса Ганиева. – Москва: АСТ: редакция Елены Шубиной, 2015. – 284, [4] с. – (Проза: женский род) С. 285.
5. *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира / Г.Д.Гачев. – М.: Сов. писатель, – 1988. – 447 с.
6. Праздничная гора : роман / Алиса Ганиева : Астрель, 2012. - 253 с.
7. Салам тебе, Далгат! : [повесть, рассказ, эссе] / Алиса Ганиева. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 315 с.
8. *Хамбергер, Э.* Тщетные поиски кавказской идентичности новый роман Алисы Ганиевой "Праздничная гора". В сборнике: Кавказ и Альпы в сравнительном аспекте. Сборник научных трудов по материалам совместной летней школы "Кавказ и Альпы в сравнительном аспекте". Кубанский государственный университет. – 2014. – 123 с.

REFERENCES

1. Ajdarova, V.N. :Tekstologicheskaja :rabota A.I.:Kuprina // :Russkaja :rech'. № 1. 1980. S. 56–63. [Aidarova, V.N. "Textological" work of A.I. "Kuprin" // "Russian speech. No. 1. 1980. pp. 56-63.].
2. Arutjunov, L., Jel'sberg, Ja. O nekotoryh putjah izuchenija problemy nacional'nogo i internacional'nogo v literature i iskusstve // Nacional'noe i internacional'noe v literature, fol'klore i jazyke. – Kishinev: Shtiinca, –1972. – 360 s. [Arutyunov, L., Elsberg, Ya. On some ways of

studying the problem of national and international in literature and art // National and international in literature, folklore and language. - Chisinau: Stiinza, -1972. - 360 p.].

3. Borgojakova, A.P. Nacional'no-kul'turnaja specifika jazykovogo soznaniya hakasov, russkih i anglichan: Na materiale jadra jazykovogo soznaniya: dis. . kand. filol. nauk / Bogojarkova Ajana Pavlovna – M., 2002. – 181 s. [Borgoyakova, A.P. National-cultural specificity of the linguistic consciousness of the Khakass, Russians and Englishmen: On the material of the core of linguistic consciousness: dis. . Candidate of Philology / Bogoyarkova Ayana Pavlovna - M., 2002– - 181 p.].

4. Ganieva, A.A. Zhenih i nevesta: roman // Alisa Ganieva. – Moskva: AST: redakcija Eleny Shubinoj, 2015. – 284, [4] s. – (Proza: zhenskij rod) S. 285. [Ganieva, A.A. The bride and groom: a novel // Alice Ganieva. - Moscow: AST: editorial office of Elena Shubina, 2015. - 284, [4] p. – (Prose: feminine) p. 285.].

5. Gachev, G.D. Nacional'nye obrazy mira / G.D. Gachev. – M.: Sov. pisatel', – 1988. – 447 s. [Gachev, G.D. National images of the world / G.D. Gachev. - M.: Soviet writer, - 1988– - 447 p.].

6. Prazdnichnaja gora : roman / Alisa Ganieva : Astrel', 2012. - 253 s. [Festive Mountain : roman / Alice Ganieva : Astrel, 2012. - 253 p.].

7. Salam tebe, Dalgat! : [povest', rasskaz, jesse] / Alisa Ganieva. – M. : AST : Astrel', 2010. – 315 s. [Salam to you, Dalgat! : [novella, short story, essay] / Alice Ganieva. - M. : AST : Astrel, 2010– - 315 p.]/

8. Hamberger, Je. Tshhetnye poiski kavkazskoj identichnosti novyj roman Alisy Ganievoj "Prazdnichnaja gora". V sbornike: Kavkaz i Al'py v sravnitel'nom aspekte. Sbornik nauchnyh trudov po materialam sovmestnoj letnej shkoly "Kavkaz i Al'py v sravnitel'nom aspekte". Kubanskij gosudarstvennyj universitet. – 2014. – 123 s. [Hamberger, E. The futile search for Caucasian identity a new novel by Alice Ganieva "Festive Mountain". In the collection: The Caucasus and the Alps in a comparative aspect. Collection of scientific papers based on the materials of the joint summer school "The Caucasus and the Alps in a comparative aspect". Kuban State University. - 2014. - 123 p.].